

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОТДЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ

99.02.003. БАЗЫЛЕВ В.Н. СИНЕРГЕТИКА ЯЗЫКА: ОВНЕШНЕНИЕ В ГАДАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ / РАН. Ин-т языкознания; Отв. ред. Сорокин Ю.А. – М.: Диалог – МГУ, 1998. – 180 с.

В монографии, состоящей из тринадцати глав, излагается новый подход к обоснованию языка как синергетического феномена, который строится на новом для лингвистики материале – мантических (гадательных) текстах, которые выступают в качестве овнешнителей (объективирующих факторов) когнитивных процессов.

Метод исследования, принятый в книге, автор называет “просвещенным эклектизмом”. Цель работы – описание, но такое, которое достигало бы, хотя бы в некоторых отношениях, уровня объяснения.

В.Н.Базылев исходит из того, что “современная (конца XX в.) лингвистика переживает становление новой системы (систем) дисциплинарных идей и представлений. Это обусловлено новыми установочно-познавательными принципами, а также той реальностью, которая открывается перед ней и которую предстоит описать и объяснить. Новые (иные) принципы языкознания определены: это экспансионизм – активные и широкие выходы в другие науки; антропоцентризм – изучение языка с целью познания его носителя; функционализм – принятие во внимание всего круга функций языка; экспланаторность – преимущественное стремление к объяснению языковых явлений” (с 7).

Наука о языке в конце XX в. нуждается, по мнению автора, не в “подновлении парадигмы”, а в ее замене (смене) новой системой ценностей и целей. Дальнейшее шлифование метода классических дефиниций – дело бесперспективное, и поиски в направлении создания новых парадигм в языкознании конца XX в. становятся все более активными.

В конце XX в. в языкознании появилось множество всякого рода конкурирующих лингвистических теорий, пытающихся выработать современную интерпретацию феномена естественного языка. И вместе с тем появилось понимание того, что естественный язык и не может быть всеохватно описан и интерпретирован какой-либо одной теорией. Современная лингвистика испытывает потребность в создании целостной интегральной концепции естественного языка, учитывающей в равной степени и дискретно-структурный, и дискретно-континуальный модусы. Такую концепцию автор видит в разработке синергетического подхода к анализу естественного языка на основе связности, всеединства синтезируемых областей знания. “Энергетическая трактовка природы имени (слова, языка) передается с помощью категорий сущности и энергии. Основной тезис при этом формулируется следующим образом: энергия сущности есть сама сущность, но сущность не есть ее энергия. Слово есть синергия¹, познающего и вещи” (с. 46).

Синергетика пытается установить связь между макро- и микроуровнями бытия, между формами собственной спонтанной организации живого и неживого, мостик от синергетики к другим областям знания перебрасывается двумя способами: 1) перетолковывание некоторой системы знания, системы понятий и концептов и 2) привнесение в существующие парадигмы нового взгляда на мир. Синергетика во второй половине XX в. становится источником нового – эволюционного и холистического – видения мира. И с этой точки зрения “можно предположить, что проблема синергетики языка и речи станет одной из центральных проблем языкознания XXI в. Особенно в плане изучения “катастроф”, среди которых уже сейчас указывается на следующий актуальный ряд: разрушение языков колониальных и постколониальных народов со

¹ Греч. synergos – вместе действующий – Прим. Реф.

стороны языков межнационального общения с одновременной креолизацией этих последних; нарушение синергетики в текстах, выдаваемых компьютером; разрушение синергетики речи и языка у больных, страдающих психическими расстройствами” (с. 52).

И одним из первых шагов в рамках формирования синергетического подхода к языку, по мнению автора, должно стать формулирование гипотезы о языке; выявление и введение нового материала (языкового-речевого), находившегося вне сферы лингвистики, или же занимавшего в лингвистике маргинальные позиции; формулировка проблематики, которая пока до конца не разрешима в рамках иных существующих парадигм.

В.Н.Базылев относит язык к существенно нестабильным, пульсирующим структурам. Нестабильность характеризует не только структуру, но и среду, в которой она находится. Структура есть процесс, а среда есть некое единое начало, выступающее как носитель различных форм будущей организации, как поле неоднозначных путей развития. “Язык есть локализованный в определенных участках среды... процесс, имеющий определенную ассиметрическую форму – сферическую, способный перестраиваться и перемещаться в среде” (с. 54). Методологизм конца XX в. исходит из того, что основное внимание следует уделять изучению сложных адаптивных систем (среди них – языку), общим свойством которых является нахождение на грани хаоса, балансирования между стабильностью и беспорядком. “Язык же представляет собой связующее звено между стабильной репрезентацией и хаотичностью опыта и мыслей... Ищущая мысль лингвиста конца XX в. стремится снова к повышению наглядности и снижению уровня абстрактности в своих построениях” (с. 54-55).

Предлагаемая автором гипотеза, как он утверждает, классически трехчастна: она предполагает наличие методологии, метода и методики. В плане методологии за основу берется философская концепция синергетики. Язык здесь понимается как открытая нелинейная система. Язык представляет собой локализованный в определенных участках среды процесс; этот процесс имеет определенную геометрическую форму (сферическую) и способен перестраиваться и перемещаться в среде. Метод представлен в обсуждаемой парадигме герменевтическим методом и

методом динамических систем. А методика в данной триаде представлена моделированием, представлением, интерпретацией и т.д.

В качестве объектов своего исследования, которые выступают в качестве объективаторов когнитивных процессов, В.Н.Базылев берет мантические (гадательные) тексты, которые овнешняют (объективируют) ту основную функцию языка, которая заключается не в передаче информации, а в ориентации ориентируемого в его собственной когнитивной области. Для человека при этом важно не само содержание сообщения, а те операции внутри когнитивной области, которые оно вызывает. По сути дела человек сам создает ту информацию, активизирует и формирует те значения, которые призваны обеспечить его максимальное сопряжение с окружающим миром. При этом основной функцией языка как системы – процесса ориентирующего поведения является коннотация, а не денотация.

Мантические (гадательные) тексты, находящиеся на периферии лингвистического исследования, представляют собой “идеальный” материал для лингвиста, так как являются классическим образцом текста как высказывания воспроизводимого (в отличие от разового), причем воспроизводимого не просто в рамках одной эпохи, одной культуры, но человеческой культуры в целом. “Мантический текст можно определить как коммуникативно направленное вербальное произведение, обладающее ценностью, выявленной в процессе восприятия” (с. 64). Мантические тексты могут основываться либо на слуховом восприятии устной (звуковой) формы существования языка, либо на зрительном восприятии письменной формы. Синергетический мир стучался и стучится в двери человеческого сознания, и гадательные практики открывают ему двери. Цель – постичь в этом мире, в этом загадочном сплетении бытия и духа что-то устойчивое, закономерное, предначертанное и утвердить это постигнутое как причину или как следствие. Предсказанное – это реакция на синергетичность бытия: оно опирается на синергетичность языка и тем самым опредмечивает его (с. 70). “Понимание гадательных текстов в истории культуры дает ключ к истории понимания как основного элемента семиосферы” (с. 177).

Ф.М.Березин

99.02.004. МАСЛОВА В.А. ВВЕДЕНИЕ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЮ. – М.: Наследие, 1997. – 207 с. – Библиогр.: с. 191-205.

Задача книги – раскрыть ментальность народа через язык, выявить целый комплекс культурных традиций, закрепленных в языке, проанализировать, как мифологические знания проявляют себя в современном значении фразеологической единицы и метафоры.

Книга состоит из трех частей: 1) лингвокультурология как наука на стыке лингвистики и культурологии, 2) миф в системе культуры и языка, 3) мифы, обряды, обычаи в славянской фразеологии.

Автор определяет лингвокультурологию как науку, возникшую на стыке лингвистики и культурологии и исследующую проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Развивающаяся в последнее время лингвокультурология – продукт антропологической парадигмы в лингвистике.

Задача лингвокультурологии – эксплицировать культурную значимость языковой единицы на основе соотнесения прототипной ситуации фразеологизма или другой языковой единицы, его символьного прочтения с теми “кодами” культуры, которые известны или могут быть предложены носителю языка лингвистом.

Предмет этой науки – единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания – архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах и т.д.

Объект лингвокультурологии – исследование взаимодействия языка, который есть транслятор культурной информации, и культуры – исторической памяти народа.

Предметом исследования в лингвокультурологии должны стать: 1) слова и выражения, служащие предметом описания в лингвострановедении; 2) мифологизированные языковые единицы, а также обрядово-ритуальные формы культуры, легенды, обычаи, поверья, закрепленные в языке во фразеологизмах, пословицах, образно-метафорических единицах; 3) паремиологический фонд языка (пословицы, поговорки); 4) символы, стереотипы, эталоны.

ритуалы; 5) образность, проявляющаяся во внутренней форме слова; 6) стилистический уклад разных языков; 7) речевое поведение; 8) взаимодействие религии и языка; 9) область речевого этикета.

Во второй части работы подробно анализируется понятие мифа в работах разных авторов, функции мифа, связь мифа с языком и другими явлениями культуры, отражение мифа в метафоре.

Третья часть книги посвящена анализу фразеологизмов преимущественно на материале славянской фразеологии, поскольку именно во фразеологии лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание. Миф свертывается во фразеологизм – мифологему, в которой можно увидеть и расшифровать этнокультурную информацию. Автор рассматривает мифы о происхождении вселенной, об устройстве мира, природе, образе человека, его внешнем облике, душе и сердце и их отражении в семантике фразеологических единиц.

В книге содержится обширная библиография по данной теме.

Ф.М.Березин

99.02.005. ПОТАПОВА Р.К. КОННОТАТИВНАЯ ПАРАЛИНГВИСТИКА. – 2-е изд. – М.: Триада, 1998. – 67 с. – Библиогр.: с. 63-65.

В работе решается проблема выявления, систематизации и описания паралингвизмов – вербальных и невербальных коррелятов различных коннотативных значений, имеющих место в процессе коммуникации.

Проведенное теоретико-экспериментальное исследование представляет новое комплексное направление в интерпретации фактов современной паралингвистики. Автор выявляет коннотативные значения, передаваемые чисто лингвистическими (лексико-грамматическими и/или паралингвистическими (фонационно-кинестическими) средствами. Сложность изучения заключается в том, что коннотативное значение обычно выражается имплицитно.

В качестве одного из формальных показателей коннотативных значений вербальных сообщений отмечается специфика организации звучащей материи языка (с использованием фонационно-артикуляторных сегментных и супraseгментных

средств), выступающих источником околлингвистической информации и играющих особую роль для адекватной передачи смыслового содержания речевого высказывания в целом. Учитывается, что в зависимости от характера используемых паралингвистических средств механизм декодирования речевого высказывания может различаться по структуре умозаключения и по временным затратам, необходимым для принятия однозначного решения.

Паралингвистические средства (фонационно-артикуляционные, просодические, кинетические) не имеют грамматической функции, а относятся к ситуации в целом, выполняя роль смысловой поддержки. Интерпретация чисто вербальной и околвербальной информации затруднена. Декодирование сложного единства зависит от факторов лингвистической модели и общей модели поведения. В этой связи представляется важным способ включения паралингвистических средств в процессе вербальной коммуникации. Отсюда вытекает цель работы – выявить специфику подсистем в передаче коннотативных значений.

Автор рассматривает речевую коммуникацию как часть общего процесса коммуникации в целом, где наряду с акустическим каналом используется и вербальный канал. При этом по акустическому каналу передается и лингвистическая, и паралингвистическая информация. В разных ситуациях общения каналы взаимодействуют различно (повторение, контрдикия, субституция, дополнение, акцентирование, регулирование). Следует подчеркнуть, что на интерпретацию речевого сигнала оказывает влияние и совокупность явлений “высшего порядка”. Понимание же речи – активный процесс, результат сложной деятельности слушающего. В дополнение к акустическому сигналу в процессе восприятия и интерпретации речи используются и другие источники (ситуация, контекст, структура языка, невербальные ориентиры, предыдущий опыт слушающего и др.). Поэтому необходим более широкий подход, учитывающий социо-, психо- и нейролингвистические факторы (в дополнение к чисто лингвистическим), и в связи с этим наблюдается смещение чисто лингвистического описания к описанию и интерпретации всего процесса речевой коммуникации в целом.

В паралингвистике одним из важнейших средств является произносительная специфика (фонация, артикуляция, просодия) речевого сообщения. В работе дается определение коннотации – суммы эмоционально-оценочных компонентов (сопровождающих денотативное значение в речевом акте), влияющих на конечный смысл воспринимаемого высказывания. Коннотации могут иметь общий для носителей одного языка характер, не присущий другим языкам. На сегодняшний день отсутствуют исследования, в которых разрабатывается теория коннотации, необходимая для практических задач языкознания; мало исследован раздел языкознания, связанный с анализом кинесики. И в группе этих проблем особую сложность представляет функциональная дифференциация просодии, в частности, проблема ограничения в сфере просодии чисто лингвистических особенностей от просодии “нелингвистической” (неясна модель их соотношения). Среди сегментных особенностей, связанных с паралингвистикой, особая роль отводится сегментному тембру. Паралингвистическая кинесика непосредственно и опосредованно связана с языковой структурой.

Экспериментальная часть работы представляет исследование произносительных паралингвистических средств передачи эмоциональных и модальных коннотации (применительно к русскому, английскому и немецкому языкам). Паралингвистическая вариативность в речевом высказывании рассматривается как функция концептуальной установки говорящего. Интерпретационная вариативность может проявляться в ряде произносительных признаков, таких как эмфатическое удлинение/укорочение синтагм, функциональные сдвиги в дистрибуции синтагморазделов; перераспределение между паузальными контрастами и др. Произносительные паралингвистические средства непосредственно связаны с эффектом воздействия речевого сообщения (прагмафонетикой), зависящей от использования арсенала средств всех языковых уровней. Воздействующая информация экспрессивно окрашена и может быть разделена на эмоциональную, оценочную и рациональную. В качестве просодических признаков, маркирующих эмоционально воздействующую информацию, можно указать повышение тонального уровня, увеличение уровня громкости, увеличение темпа произнесения тематического пика по сравнению с

фоном, повышение тонального уровня, расширение тонального диапазона, увеличение темпа произнесения речитативного пика по сравнению с фоном и др. Лингвистические средства выступают в комбинаторике с паралингвистическими. Экспериментальное исследование было направлено на выявление и определение специфики паралингвистических (произносительных и кинетических) средств передачи коннотативных значений устного речевого сообщения, в связи с чем в работе был поставлен ряд конкретных задач. В рамках предварительного эксперимента были определены возможности субъективной номинации наличия эмоционально-модальных коннотаций (на основе аудитивного анализа устных речевых высказываний, различающихся только коннотативными значениями и соотносящихся с эмоциональными или эмоционально-модальными значениями). Весь перечень номинаций разбивался на три класса: отражающие физическое состояние, духовный настрой говорящего и его эмоциональное состояние, причем 1-й и 2-й классы дифференцировались по подклассам, а в 3-ем было установлено несколько зон наименований. Далее проводилось выявление воспринимаемых качеств просодии, характерных для различных коннотативных значений (на материале выборки, с использованием метода парного предъявления нейтрального и маркированного вариантов). Был проведен подробный анализ каждого из акустических параметров (громкости, темпа, диапазона высоты основного тона, уровня высоты основного тона, рисунка контура высоты основного тона, направления движения основного тона в завершении фразы, числа выделенных слогов). Акустический анализ позволил выявить основные просодические параметры, характеризующие исследуемые коннотативные эмотивные значения, соотносимые с их эмоциональными и эмоционально-модальными коррелятами. На основе теоретического и экспериментального исследования отмечается, что универсальный характер просодического оформления речевого высказывания (по принципу “сильно выраженная коннотация – слабо выраженная коннотация” и “положительная коннотация – отрицательная коннотация”) связан с контрастом в голосовой мимике (форсированное голосообразование – щадящее голосообразование). Контраст основывается на противопоставлении процессов, связанных с

особенностями высшей нервной деятельности и вегетативной системы говорящего. Сложнее обстоит дело с коннотативными значениями, напрямую не связанными с вышеуказанным механизмом (состояния, соотносимые с основным набором эмоций). Универсальный и специфический набор просодических параметров гораздо сложнее определять при менее ярко выраженном эмоциональном начале.

Итак, коннотативные значения характеризуются просодическими признаками (мелодическим, темпоральным и просодическим), что непосредственно связано с супraseгментной реализацией высказывания и образует систему паралингвизмов. Данная система распадается на две подсистемы: а) паралингвизмы, связанные с эмотивными коннотативными значениями, передающими наиболее однозначно определяемые на перцептивном уровне эмоции гнева, страха, радости и т.д.; б) паралингвизмы, относящиеся к различным эмоционально-модальным коннотативным значениям, носящие менее дискретный характер (категоричность, настоятельность и др.). Обе подсистемы включают ряд просодических параметров, позволяющих идентифицировать то или иное коннотативное значение.

Для исследования сегментных подсистем анализировались спектральные и спектрально-временные параметры вокализма и консонантизма. Результаты исследования позволили выявить прямую зависимость между наличием/отсутствием того или иного коннотативного значения и наличием/отсутствием определенных акустических коррелятов на сегментном уровне.

Отмечается, что супraseгментная и сегментная подсистемы произносительных паралингвизмов довольно однозначно коррелируют с категориями "положительный – отрицательный", "сильный – слабый", которые в свою очередь восходят к двум основным дихотомиям (Я и партнер по коммуникации. Я и окружающий мир.). В первом случае коннотативные значения порождены механизмами межличностного общения, такими как симпатия/антипатия, одобрение/неодобрение. Во втором – оценка осуществляется с точки зрения желательности/нежелательности (с конечным благоприятным/неблагоприятным исходом). Каждая из составляющих оппозиции "симпатия – антипатия" соотносится с целой палитрой коннотативных значений. Дихотомия "Я и

окружающий мир” также содержит большое число соответствий, которые можно разбить на два больших класса (наличие интереса/отсутствие интереса).

Идентификация коннотативных значений проводится прежде всего по их выраженности, затем по принципу “положительный/отрицательный”, причем достаточно регулярно и с высокой степенью вероятности идентифицируются сильные положительные и сильные отрицательные коннотативные значения.

В заключении автор подчеркивает, что одной из главных задач исследования был всесторонний анализ объекта, выявление его бесконечно многообразных связей. Сегодня рождается интегративная область изучения речи – речеведение, охватывающее всю систему речи в целом. Отправным пунктом в ней является индивид, его состояние, причины, побудившие к общению, а также приемы и способы, которыми он пользуется в акте коммуникации. Вследствие этого речеведение более тесно связано с психологией, прагматикой и семиотикой, поэтому наши представления должны быть основаны на расширенной динамической модели речевой цепи, включающей мотивации высказывания и коммуникативного намерения и т.д. (Современная модель речевой цепи начинается со звена замысла и мотивации адресанта в ситуации общения и заканчивается пониманием этого замысла адресатом). Огромное значение приобретает исследование вербальных и невербальных способов передачи всевозможных коннотативных значений в акте коммуникации. Важная роль при этом принадлежит просодическим и тембральным признакам паралингвистики, изучение которых в лингвистическом ключе находится в начальной стадии.

М.В.Хитина

99.02.006. НЕЧИПОРЕНКО В.Ф. ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОЛИНГВИСТИКИ. – Калуга: Калуж. обл. орг-ция Союза журналистов России, 1998. – 207 с. – Библиогр.: с. 201-206.

Книга посвящена обоснованию новой науки – эколингвистики. Она состоит из трех частей. Часть первая “Экологическая лингвистика и ее обоснование” включает пять глав и введение. Во введении говорится что в экологии появилось новое направление – экология человека. Этот термин включает в себя не

только изучение условий жизни человека на Земле, но и проблемы его общественной и социальной организации и создания институтов, способных в хаосе противоречивых стремлений, интересов и целей находить кооперативные соглашения, позволяющие устранить разрушительные столкновения между странами и народами. В современных условиях возникает необходимость активно привлекать на борьбу с надвигающимися экологическими кризисами различные ветви человековедения, в частности, лингвистику как науку о человеческих явлениях и сущностях памяти, мышления, языка и речи в условиях диалектического единства биологического и социального.

Автор определяет экологическую лингвистику как интегративную (цельную) область знания, включающую методологический подход (адекватно сущности человека), направленный на познание и исследование ноосферы (по Вернадскому) и космогенеза (понятий о космических процессах образования), а также рационального становления и управления соответствующими процессами в окружающем материальном мире и обществе. Эколингвистика призывает людей к разумному поведению в общественной и природной сферах. Язык и речь можно и следует изучать также в узком смысле в пределах сформировавшейся языковедческой традиции, но ни в коей мере нельзя препятствовать выходу лингвистических взглядов и воззрений в значительно более широкую и глубокую область исследования. Если раньше некоторые лингвисты плодотворно разрабатывали философию языка, то теперь становится самоочевидной тесная связь чисто лингвистической философии с философией Вселенной. В философских основах экологической лингвистики ставится задача описать в терминах экологии, лингвистики и философии современный мир. Человека крайне необходимо спасти от самого себя, от физических угроз типа СПИДа и психических типа шизофрении, паранойи, алкоголизма, наркомании и др. Психику следует лечить прежде всего словом, убеждением и сильной верой в изначальные людские возможности; умственные способности и физические силы. Именно здесь на сцену наряду с экологией человека выступают лингвистические и психологические познания.

Глава первая “Формирование ноосферы и космогенеза – современный этап в развитии биосферы” содержит дальнейшее обоснование эколингвистики. Начиная со второй половины XIX в. ученые пытаются увязать философские взгляды на Землю и Вселенную со взглядами естествоиспытателей. Эта тенденция усиливается, разрастается и может в обозримом будущем привести к истинному единению наук естественных с науками социально-психическими. От термина “гуманитарный” следует отказаться, так как он не соответствует происходящему процессу. Вполне закономерным является возникновение экологической лингвистики в современную эпоху – эпоху формирования ноосферы и зарождения космогенеза – понятия о космическом происхождении. Экология человека призвана исследовать проблемы защиты людей от их неразумных действий и поступков. Лингвистика может помочь в этом деле, направляя свои усилия на более точное и более тщательное оформление человеческих мыслей в речи людей, на создание благотворных и благоприятных условий для интеллектуального общения между представителями человечества, совершенно несхожими в культурном, умственном и политическом отношении.

Глава вторая “Социальное и биологическое в процессе взаимодействия ноосферы, психосферы и биосферы” объясняет закономерности оптимального существования людей на Земле. По мере развития и уточнения теории биосферы и ноосферы экологическая лингвистика будет постепенно и последовательно уточнять свой предмет исследования, свою специфику и терминологию. Она привлекает в какой-то степени теорию информации, а точнее теорию информационных систем. В третьей главе “Темпы адаптации человека к изменяющимся условиям обитания на Земле” ставятся следующие вопросы. Адаптируется ли человечество к непрерывно меняющимся условиям обитания в биосфере, наряду с которой образуется ноосфера? Каким образом эта адаптация происходит? Какова скорость этой адаптации? Рассматривается проблема человеческой жизни на Земле, а также во всеенском масштабе. Грозным предостережением всему человечеству на Земле является тот факт, что над Канадой и Антарктикой ученые обнаружили большие “дыры” в озоновом слое. Четвертая глава “Роль информации в условиях ноосферогенеза”

содержит рассуждения автора по поводу информации. Экологическая лингвистика как отрасль общего языкознания призвана стремиться к постановке ряда гипотез и выдвиганию некоторых проблем в связи с колоссальным усилением информационных потоков в период усиленного развития ноосферы наряду с биосферой.

Информация поступает отовсюду, как из глубин Вселенной, так и из земных недр, как из непосредственно окружающей человека природной и социальной среды обитания, так и изнутри самого человеческого организма, который некоторым образом, чисто почеловечески, обрабатывает и кодирует зрительные знаки, слуховые сигналы и пользуется ими для поддержания своего устойчивого физиологического и психологического равновесия. Эколингвистика, как и обычная традиционная лингвистика, также имеет дело с проблемами мышления, языка и речи. Однако в отличие от чисто языковедческих методов исследования эколингвистика пытается выйти за пределы устной и письменной коммуникации и посмотреть на все окружающее глазами эколога, т.е. специалиста, заинтересованного прежде всего в раскрытии различных сторон взаимодействия между населяющими биосферу всевозможными организмами, в том числе между веществом живым и веществом косным (неживым).

Глава пятая "Космическая сущность человечества" посвящена связи между человеком и космосом. Космология появилась на свет еще в доисторические эпохи. Следовательно, современным космологам не следует пренебрегать уроками далекого прошлого Вселенной, а следует тщательно выявлять сохранившиеся крупинки космологических знаний, осмысливать их и решительно использовать в своей деятельности. Космическую сущность человека автор усматривает также в его прямой и непосредственной зависимости от деятельности Солнца и многих других небесных тел. В части II "Биолингвистика — один из компонентов экологической лингвистики" содержится пять глав. Глава первая посвящена принципу бинарности в природе и обществе. Гипотеза Ф.Энгельса об очеловечивании одной из ветвей человекоподобных приматов в процессе труда находит теоретическую поддержку в наши дни как у ряда биологов, так и у некоторых психологов. Мышление со всеми его разновидностями могло возникнуть только в процессе

совместного труда людей, в ходе длительной и постепенной эволюции. Мышление опосредованно отражало и отражает реальную действительность. Люди способны мыслить молча, без звуков. В естественных условиях люди общаются при помощи высказываний различной формы, т.е. употребляют и грамматически оформленные предложения, и словосочетания, и отдельные словоформы, и даже междометия. По определению автора, биолингвистика – это наука о взаимоотношениях, взаимосвязях материального и духовного начал в человеческом организме. Ее объектом является человек как биологическое и одновременно общественное существо, непрерывно подвергающееся влиянию двух сфер: земной и внеземной – космической. Целью ее служит познание биологических и социальных основ функционирования памяти, мышления, языка и речи. Другие главы этой части: глава вторая “Энергии околоземного космоса и их преломление в человеческом организме”; глава третья “Взаимодействие биологического и социального в системе “люди-животный мир””; глава четвертая “Сигнал-знак в памяти, мышлении, языке и речи””; глава пятая “Концепция биополя как частного случая космических энергополей”.

Часть III “Познание Вселенной путем интеграции информационных потоков в системе “Солнце-Земля-Луна” также состоит из пяти глав, в которых рассматриваются вопросы физического и другого взаимодействия между планетами и Солнцем.

В “Общем заключении по экологической лингвистике” говорится, что стержневой проблемой этой лингвистики служит Человек во всем его земном единстве. Он находится в определенной материальной и духовной среде, которая непрестанно подвергается всякого рода загрязнению: политическим, экономическим и природным. Экологическая лингвистика стремится к очищению этой окружающей среды. Сразу же встает, как и в прошлые эпохи, проблема воспитания людей в самом широком смысле слова. Необходимо повседневное, настойчивое духовное воспитание всех без исключения членов общества.

Ю.Н.Марчук

99.02.007. СУХАЧЕВ Н.Л. ЭКСКУРСЫ В ИСТОРИИ ПИСЬМА: (Знак и значение) /РАН. Ин-т лингв. исслед., Ин-т иностр. яз. – СПб., 1997. – 140 с. – Библиогр.: с. 96-102.

В монографии история письма рассматривается на фоне основных закономерностей становления и развития символической деятельности, тесно связанной с проблемами антропосоциогенеза, речевого мышления, структуры интеллекта и затрагивающее содержательные аспекты эволюции языка в доисторическую и историческую эпохи. Теоретические вопросы грамматики (науки о письме) соотношены с базовым для человеческого сознания отношением смысла и значения, переакцентирование которых сыграло важную роль в переходе от дописьменных традиций к письменным.

Первые “пиктографические” сообщения ориентированы прежде всего на образное восприятие изображаемых ситуаций, допускают относительно свободный “перевод” на собственно языковые формулировки представленных в “тексте” опорных знаков (изображений). Дальнейшая их специализация в качестве элементов “письменного” сообщения вызвала и стандартизацию “семитических знаков” и определенного рода смысловые обобщения. Усложнение “текста”, его приближение к речевой форме вовлекло в “чертежные схемы” пиктографии целый ряд схематических изображений (глаз, рот, “идущие” ноги, узнаваемые позы людей и жесты, волнистые линии воды, прямая линия земли под ногами, треугольники гор и т.д.). Само расширение знакового инвентаря обостряло внимание к речевому аспекту используемых опорных символов – к приемам передачи “значений” и “звучаний”.

Логографическая (иероглифическая) письменность, закрепила именно условные формы, выработанные в недрах письменности, еще более сблизила рисунок-иероглиф с неким эталонным образом и как бы обнажила посредническую функцию знака, создала предпосылки для перехода от изобразительных знаков к линейным, окончательно утратившим связь с реальными образами. Этому способствовали и все приемы “идеографии”, направленные на правильное прочтение текста – семантические и фонетические комплементы, ребусные написания и т.п. По мере превращения пиктограмм в подлинные логограммы (в письмо словами-понятиями) изначальная образная основа письменных знаков

перестает быть функциональной. Став знаком языка, соответствующим определенному звучанию, а не стоящему за ним образу “предмета”, рисунок стремительно трансформируется в некое линейное изображение, исходная основа которого (узнаваемый реальный образ) уже не играет никакой роли.

Реальная форма иконического знака столь же безразлична к его содержанию, как и фонетический образ слова. Единственное условие, которое и соблюдалось, – контрастная узнаваемость конкретных знаков на фоне их наличного множества.

Если фонетизация в качестве решающего шага в переходе от предписьменностей к письменностям в целом происходила на фоне образных ассоциаций того или иного звучания с соответствующим рисунком или логограммой (омонимичные формы были вовлечены в данный процесс, но вряд ли его инициировали), то вычленение слога потребовало также переноса внимания с содержательной стороны языка на этот фонетический его аспект.

Силлабические системы письма могли возникнуть только в условиях относительно продвинутой рефлексии над языком, спровоцированной необходимостью максимально точной передачи именно речевых сообщения, а не просто некоторой опорной информации.

“Открытие” алфавита в Древней Греции имело свою предысторию в ближневосточных силлабариях, которые уже бытовали скорее в функции “буквенных” систем, а не собственно слоговых, широко используя возможности фонетических комплементов. Слоговое письмо уже предоставляет в распоряжение носителей языка не содержательные знаки (логограммы), а сугубо звуковые символы, т.е. фонетические единства. Буквы соответствуют еще более элементарным “звучаниям” – определенным звукотипам. Появление алфавита означает переход к фонематической записи речевых высказываний (звук за звуком).

Дальнейшая эволюция алфавитных систем сводится к способам передачи особенностей произношения (в том числе в случае закрепления традиционных так называемых этимологических написаний), затрагивающих лишь орфографию и учитывающих фонематически значимые для данного языка звуковые типы. Практически все последующие преобразования и усовершенствования алфавитов уже не могли влиять на внутреннюю

форму речевого высказывания. Ее частные проявления связаны в большей, мере с доступностью грамотности, с демократизацией системы образования. Влияния, вызванные распространением "грамотной речи", осуществляются через синтактико-грамматические структуры, тесно переплетающиеся с правилами словоизменения и словообразования, но это особая проблема функционирования языка в его исторических состояниях.

Фонетизация, характеризует письменность в целом (отличая ее от предписьменностей), в полной мере присуща всем ее типам, в том числе "иероглифическому" (логографическому) письму. Кажущийся интернационализм иероглифики не должен вводить в заблуждение относительно ее языковой природы — это факт культуры, в частности упорного зазубривания написания и значения письменных знаков. Само распространение грамотности способствовало распространению тех или иных письменных языков в качестве межнациональных (шумерский, аккадский, китайский, латинский, церковнославянский). Правда, если логограммы в большей степени отражают ноэматический (от греч. поэта — "мысль") аспект языка, то силлабарии и алфавиты последовательно ориентированы именно на звучащее слово, они кодируют не столько сообщения, сколько поток высказывания, расчлененного на слоговые или звуковые единицы.

Термин "ноэматический" трактуется автором в том смысле, что в логографии или идеографии еще проявляется образная подоплека "слова и мысли" — значение как бы встроено в структуру иероглифа (идеограммы). По мере же перехода на силлабические, а тем более на фонематические системы записи речи нарастает иллюзия самоценности "имени" в его натурфилософской значимости. Намечается разрыв между осознанием онтологии имени в языке и пониманием когнитивной функции языка как орудия познания. Рефлексия над языком естественным образом перерастает в надъязыковую форму логического мышления: его категории и понятия начинают мыслиться как своего рода абсолютные сущности, вне видимой связи с породившей их символической деятельностью. Семическая (знаковая) и ноэмическая (мыслительная) составляющие языка перераспределяются, соответственно, между языком и мышлением. Фактически, в структуре сознания активизируется новое логико-

дискурсивное мышление, оперирующее отношениями между знаками как коррелятами понятий, т.е. опирающиеся, в преимуществу, на категориальные значения “словарных слов” конечном счете последние начинают восприниматься в качестве немотивированных, и только потому, что они представлены мыслящему сознанию в “готовом” виде, формируя тезаурусный словарь языка. Исторически же интерсубъективные “словарные значения” мотивированы множеством субъективных осмыслений за ними стоят личностные смыслы, обобщенные социумом и усвоенные языковой традицией в качестве общепринятых (нормативных) значений слова. Опираясь на них, индивидуальные словоупотребления продолжают все же видоизменять и семантику, и звучание нормативных форм, что влечет за собой постоянные изменения “нормы”.

История языка и есть отражение непрерывного процесса перетекания смыслов в значения и новых переосмыслений сложившихся социальных терминов, процесса перераспределения акцентов в структуре означающего и означаемого. Суть языковых изменений в перестройке “основного отношения сознания” — отношения смысла и значения.

Обращаясь к грамматологии как науке о закономерностях становления и эволюции письменности в различных культурных традициях, автор констатирует, что она имеет дело, как минимум, с двояким проявлением своего объекта исследований (при условии что ни дешифровка, ни палеография или смежные с ними дисциплины в данном случае не учитываются).

Во-первых, становление письма ведет к изменениям самой структуры сознания, что прослеживается в перестройке речевого мышления как имманентной его составляющей, а именно — в переходе от оперирования “прямыми воплощениями смыслов” (ассоциативными словесными рядами) ко все более последовательному разграничению в слове категориальных значений (понятий) и актуализируемого личностного смысла (предмета мысли).

Во-вторых, эволюция письменностей отражает специфику конкретных традиций, идиотнические особенности отдельных языков, тяготеющих к тем или иным культурным центрам, под влиянием которых заимствуются (или изобретаются

соответствующие системы письма, характерные для данной лингвистической общности.

Именно в данной области история письма добилась наибольших результатов, разработала относительно строгие методы и приемы классификации разных письменных традиций, выявила основные центры их формирования и реальные или предположительные влияния и заимствования. В онтологическое объяснение исследуемого процесса с учетом специфики символической деятельности в доисторическую и историческую (письменную) эпохи грамматология практически еще не углублялась, хотя в целом ряде исследований по психологии интеллекта и проблемам речевого мышления заложена основательная база для осмысления закономерностей эволюции знаковых систем с учетом особенностей социально-психологической специфики функционирования языка.

В заключение автор приходит к общему выводу о том, что "письменность есть такая форма существования языка, которая, возникнув из необходимости фиксации определенных сообщений, стала действенным средством передачи звучащей речи и обрела относительную самостоятельность по отношению к этой последней. Письменный лексикон превращается со временем в тезаурус значений, намного превосходящий по своей емкости и когнитивной ценности любую устную традицию. В истории познания появляется возможность накопления и усвоения совокупного человеческого опыта, как бы независимо от места и времени, в котором знания порождаются" (с. 96).

А.М. Кузнецов

99.02.008. ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ИНФОРМАТИКА.

PHILOSOPHIE DU LANGAGE ET INFORMATIQUE. — P.: HERMES, 1996. — 222 p.

В работе представлены доклады коллоквиума по проблеме: "Философия языка и информатика", проходившего в Дижоне 27-29 июня 1995 г. В центре внимания коллоквиума находятся вопросы влияния на язык философии и информатики, оценка подобного влияния на язык философии и информатики, оценка подобного влияния. В предисловии к книге Жан Гэйон, в частности, отмечает то, что проведенные учеными соответствующих областей знания

исследования по изучению вопросов, традиционно рассматриваемых философией (например, когда речь идет о дискуссиях специалистов по поводу “виртуальной реальности”, о самом концепте “реальность”) имеют большие перспективы и заслуживают особого внимания. Накопленный в области информатики и лингвистики опыт является необходимым условием для создания искусственной речи и разработки лингвистических артефактов, выявления имманентных структур естественных языков. В настоящее время речь идет об “освоении” машиной человеческой речи, об автоматизации самых разнообразных языковых действий (составление резюме того или иного текста, перевод с одного языка на другой и т.п.). Жерар Шазаль, координатор данного коллоквиума, автор статьи “Философия и информатика” выдвигает несколько интересных предложений, касающихся следующих составляющих триады: знака, смысла, референта. Так, в отношении знака Ж.Шазаль отмечает наличие значительного несоответствия между количеством знаков и количеством тех *отношений*, которые могут быть выражены знаком, объясняя это тем, что “богатство” когда не измеряется числом знаков, но числом отношений, которые код способен создавать. В этом плане в работах Лейбница находится определенный ответ на поставленный вопрос. Что касается “смысла”, Ж.Шазаль придерживается мнения о том, что *информация* “способна” принимать участие в организации элементов, в их упорядочивании. Относительно референта, Ж.Шазаль поддерживает постулат о том, что существует “семантическое доверие” и что “любое действие в информатике строится на предположении о том, что существует некая реальность вне нас, и что эта реальность может быть выражена определенным языком” (с. 8).

Статья Даниэля Паррошиа “Теория предельной информации” посвящена проблеме информации. Учитывая широкое распространение термина “информация”, автор считает необходимым проанализировать содержание данного понятия применительно к разным наукам. Д.Паррошиа обращается к классической теории информации Шеннона, а также к новой алгоритмической теории информации. Автор рассматривает предполагаемую связь между информацией и энтропией, анализируя мнения ряда современных ученых. Изучается вопрос о

том, в какой степени может быть исследован информационный мир. Обсуждается идея предельной информации, своего рода краеугольного камня теории информации. Анализируются различные теории информации, в частности, теория Шеннона. Информация, в понимании Шеннона, это статистическая информация, представляющая собой меру возможного выбора из различных элементов или событий, соответствующих определенной ситуации. При этом информация не дает представления о содержании какого-либо объекта или события. Поэтому возникают многочисленные трудности определения объективной информации, а также ее использования, например, в биологии и в ряде других наук. В биологии высказывались критические замечания относительно использования теории Шеннона. Так, исследования, посвященные оценке количества информации, содержащейся в каком-либо живом элементе, например в определенной хромосоме, и сравнение этого количества информации с другой, присущей другой хромосоме, показывают, что теория Шеннона оказывается недостаточно эффективной. В естественных науках возможности применения теории Шеннона оказались затрудненными, и не только из-за амбивалентности определения границ предметов или явлений при измерении количества информации, но особенно из-за незнания той целостности, из которой они берутся. Сложным представляется также с помощью использования теории Шеннона определить количество информации в событии "Эдит играет в теннис".

Использование теории Шеннона, в частности, предполагает необходимость учета следующих условий:

- а) знание альтернативных возможностей;
- б) знание вероятностей, ассоциированных с этими возможностями;
- с) знание условных вероятностей каждой из этих возможностей.

Уже в течение 20 лет существует другая теория информации, получившая название алгоритмической теории информации. Создателями данной теории являются Колмогоров и Шетин. Данная теория информации имеет более непосредственное отношение к информатике, чем теория Шеннона.

Вводится понятие “грубое содержание информации”. “Грубое содержание информации” цепи элементов s (данное в бит.) есть число элементарной памяти, занимаемой цепью s в памяти ЭВМ. “Грубое содержание информации” представляется в виде формулы: $I = p \log m / \log 2$. При этом знаки (символы) берутся из m . Особый случай представляется тогда, когда $m = 2$. В этом случае $I = p$.

Д.Паррошиа сравнивает теорию информации Шеннона и алгоритмическую теорию информации Колмогорова — Шетина. Проведя сопоставительный анализ различных теорий информации, автор делает следующие обобщения:

1. Понятие информации полисемично и не может быть определено однозначно.

2. Для определения количества информации используются две теории информации — статистическая теория информации Шеннона — Брайюэна и алгоритмическая теория информации Колмогорова — Шетина. Вторая позволяет реинтерпретировать первую.

3. Алгоритмическая теория информации позволяет:

— опровергнуть связь, установленную Зиларом и Брайюэном между негентропией и информацией;

— внести определенный вклад в установление новых связей между статистической информацией, алгоритмической информацией и энтропией;

Идея предельной информации формировалась на основе статистической и алгоритмической теории информации. Теория предельной информации предполагает возможность существования информационного пространства без константы. Сложным остается как определение инвариантов, так и само решение проблемы информации.

В статье К.Фолми, М.Каттанео и М.Морначчи “Роль информатики при анализе различных речевых произведений, ее предельные возможности” изучались два вида языковых данных различного характера: речевое общение между детьми в процессе игры (построение игрушечного додекаэдрического дома) и откровенная беседа с четырьмя терапевтами. Использовались два вида анализа при исследовании языкового материала: характер речевого взаимодействия между детьми изучался в диахроническом плане, беседа с терапевтами — в синхроническом аспекте. При анализе

двух видов языковых данных использовались следующие методы: характер речевого взаимодействия детей в ходе игры изучался путем рассмотрения очередности последовательных фрагментов взаимодействия. При анализе бесед фактор очередности речевых событий не учитывался, цель анализа заключалась в определении общего значения беседы. Общий подход к исследованию языкового материала заключался в том, что методика анализа двух видов речевых данных предполагала участие исследователя. В первом разделе доклада представлены результаты анализа всего языкового материала. Второй раздел посвящен роли информатики в изучении речевого материала — бесед с терапевтами.

Авторы приходят к выводу о том, что кодирование процесса речевого взаимодействия между детьми в форме стрелок помогает выявить объективные критерии, касающиеся формального аспекта речевых произведений (утвердительная, отрицательная, вопросительная, восклицательная формы). Квантование речевого процесса взаимодействия в структурированных идентичных содержаниях способствует выявлению роли субъективного фактора, соответствующую оценку наблюдателя, осуществляющего кодирование, поскольку сам процесс кодирования отражает субъективное представление регулярности и изменчивости событий. Поэтапный подход к проблеме субъективности состоит в формализации предпринимаемых действий, в соответствии правил квантовая. На примере двух способов языкового анализа авторы хотели показать, что информатика является ценным инструментом исследователя. Поэтому автоматизированный анализ языковых данных, используемый в ряде работ, авторы рассматривают как слишком упрощенный. Они полагают, что, если исследователь хочет выявить сложные значения речевых произведений, он не может априориформулировать правила. Исследователь устанавливает эти правила по мере того как изучается языковой материал, т.е. поэтапно. Модифицируя уже сложившиеся стереотипы в работе, исследователь может воспользоваться средствами, предлагаемыми информатикой (организация данных, установление перспектив, решение различных задач по изучаемой проблеме и т.д.). Средства эти разнообразны и требуют специальных знаний, наряду с соответствующей подготовкой исследователя, уровнем его компетентности.

А.Ребуль в статье “Философия, язык и информатика: роль прагматики” приходит к выводу о том, что интерпретация намерения собеседника находится в плоскости прагматики. Однако, даже если бы удалось составить программу для ЭВМ и она способна была бы решить все вопросы лингвистического характера, с ее помощью нельзя было бы провести глубокий прагматический анализ. Однако, с другой стороны, если учитывать тот факт, что анализ сообщений на фонологическом, семантическом уровнях языка достаточно специфичен, интерпретация языкового материала с позиций прагматики требует обращения к экстралингвистическим факторам, характеру восприятия сообщения, учету похожих условий в других видах интеллектуальной деятельности. При таком подходе решающую роль играют интеллектуальные способности человека, которые не являются специфическим фактором и которые рассматриваются в данном случае как универсальная способность человека. Может или не может ЭВМ справиться с решением данной задачи — эмпирический вопрос, на который автор не может ответить. Она отмечает, что описанный в докладе процесс носит бессознательный характер и в этом плане не ясно, нужно ли объединять интеллект и сознание, допуская, что сознание является условием интеллекта. Можно было бы выдвинуть обратную гипотезу о том, что сознание является результатом интеллекта, но это вопрос спорный, который автор не ставит целью обсуждать

В статье Жан Пьера Дескле “Познавательная способность, преобразование программы, язык” рассматриваются вопросы искусственного интеллекта, семантики, познавательных способностей человека, а также вопросы преобразования программ. Автор полагает, что расширить аналогии мозг/ЭВМ или разум/программа и представить эти аналогии в философском плане можно лишь при уточнении терминов, обозначающих аналогии (идет ли речь об аналогии между органами, между функциями мозга и функциями вычислительной машины). Автор считает, что аналогия, которая используется в науках, занимающихся изучением познавательных процессов, — это составление моделей с помощью представлений и изменения этих представлений: мозг, для того чтобы обрабатывать хорошо структурированную информацию, осуществляет процедуру преобразования наподобие той, которая происходит в естественных языках. Согласно данной стратегии, в

ходе процедуры преобразования информации порождаются символичные промежуточные представления между внешним выражением и уже преобразованным и случайно распределенным выражением, непосредственно соотнесенным со структурами органов, осуществляющих языковые операции. Включение в философско-логические споры концептов промежуточного представления общего преобразования информации, понятия интенциональности, когнитивного представления и оперативной эффективности значительно усложняет дискуссию по вопросу о природе, предельных возможностях искусственного интеллекта. Интеллектуальные процессы, перенесенные на вычислительную машину, безусловно усиливают возможности человеческой мысли. На этой основе вырисовывается определенная программа действий: изучение когнитивной деятельности человека для представления наиболее адекватной модели, чтобы затем на основании этой модели создать информационную программу для машин. Высказывается пожелание создания программ, которые соответствовали бы многочисленным условиям, учитывали большее количество разнообразных факторов: программы, которые были бы способны делать выводы на основе предпосылки (силлогизма) в дедуктивном рассуждении, а также способны были выполнять ответвляющиеся от главной сопутствующие задачи, формулировать допустимые и объяснимые гипотезы на основе уже проверенных данных; программы, способные выполнять разумные процедуры, интегрируя "факты общего смысла", программы, которые были бы способны увеличить возможности "познания" на основе исследования возможностей своей среды: программы, с помощью которых возможно вести диалог на "почти естественных языках". И если когда-либо удастся "запустить" эти программы и проделать с их помощью тест Тьюринга, только тогда мы будем вправе рассматривать следующий вопрос: наделен ли человек вспомогательными рациональными механизмами (рациональные агенты Ньюелла), некоторыми когнитивными атрибутами интеллекта, в частности, теми, которые связаны с деятельностью восприятия, рассуждения, интенциональными действиями принятия решений с неполной информацией речевого плана, включая диалог. Эти вспомогательные искусственные устройства кажутся более дееспособными в решении ряда проблем. Человек

находится в естественном окружении (среде), которое обогащается искусственно созданными человеком "интеллектуальными" артефактами, которые, в свою очередь, серьезно изменяют наш образ мыслей. Новое усилие интеллектуальной аскезы, свободной от всякого априорного решения может привести нас к тому, чтобы лучше обозначить когнитивные способности человека. Это, несомненно, будет являться значительным вкладом в создание искусственного интеллекта и влечет за собой завершение разработок, связанных с созданием эффективных информационных программ, которые "копируют" способности человека с тем, чтобы не только изучить его потенциальные когнитивные способности, но и лучше определить их предельные возможности. С помощью искусственного интеллекта уже сделаны определенные успехи и открыты новые перспективы в области изучения языка.

В статье К.Бейсад, П.Анжалбер, К.Лефевр "Семантика эпистемиологических гносеологических модальностей и многофакторные системы" рассматриваются два метода, используемые наряду с теорией логических моделей первого порядка: семантика "возможных миров", так называемый "синтаксический подход". Само название метода включает в себя абстрактный синтаксис и денотат. В работе рассматриваются основные проблемы, связанные с теорией модальности и описываются основные трудности при использовании вышеуказанных подходов.

Статью Н.Кюлло, Мари-Нозль Террас "Проблемы создания моделей отрицания в информатике" посвящена вопросам, связанным с определением статуса понятия "отрицание". Проблема рассматривалась в философском аспекте. В области вычислительной техники ученые сталкиваются с проблемой создания моделей и наиболее рациональным их применением. В работе представлены результаты обработки отрицания: 1) с помощью логики и дедуктивной базы данных и 2) с помощью многофункциональной системы логического программирования. Проводится сравнение с данными, полученными при решении данной задачи философами, которые использовали в качестве инструмента исследования моделирование. Результаты исследования показали также, что многое еще предстоит изучить

В книге также представлены следующие статьи: П.Дюмон “Гоббс и Декарт против механистического подхода к изучению языка”, Н.Даэ “Лейбниц и идея универсального языка”, Ж.Шазаль “Проблемы формализации отрицания”, Д.Кайзе “Место логики в науке о языке”, Ж.Мешлер “Логика и язык”, П.Анжалбер “Логика и математическое моделирование”.

Н.Б.Богуш

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

99.02.009. ИНДО-ХЕТТСКАЯ ГИПОТЕЗА: СИСТЕМА ГЛАГОЛА. (Обзор).

К настоящему времени, как отмечает А.Лерман [16], существует единодушное принятие индо-хеттской гипотезы. То общее, что объединяет всех исследователей, которые эксплицитно писали на данную тему, заключается в следующем: диалекты, в исторический период представленные анатолийскими языками, первыми отделились от праязыка и развивались независимо. Все остальные диалекты еще некоторое время сохраняли значительную близость и испытали некоторые общие инновации. Крайние варианты собственно индо-хеттской гипотезы представлены, с одной стороны, консервативной концепцией Эттингера [22] (к более ранним работам кроме работ Эттингера см также [10]) и, с другой — радикальной концепцией школы Каугила [6; 15; 16; 17] (к более ранним работам см [5]). Различие данных точек зрения заключается только лишь в определении количества инноваций “индийской” части диалектов по сравнению с анатолийским. Консервативная позиция исходит из минимального количества общих инноваций остальных и.-е. диалектов после отделения праанатолийского. Некоторое количество общих инноваций признается в области словообразования, общие новообразования в области морфологии (и, в частности, системы глагола) сводятся к нулю [12]. Поэтому предполагается значительное преобразование анатолийских языков в процессе их развития, в основном связанное с утратами. Радикальная позиция, в последнее десятилетие значительно активизировавшаяся (что связано, в первую очередь, с уже упоминавшимися работами А.Лермана), исходит из того факта, что те грамматические категории, которые не представлены в исторических хетто-лувийских языках и не реконструируются для праанатолийского, являются инновациями, свойственными остальным и.-е. диалектам после отделения праанатолийского. В системе глагола к ним относят развитие собственно перфекта из индо-хеттского класса стативов [17] (так уже в несколько ином виде

[5]; становление тематических презенсов [15; 16; 17]; формирование флективных модальных образований [20:100] (см. также [21]). Причем если позднее формирование конъюнктива признается практически всеми исследователями, придерживающимися того или иного варианта индо-хеттской гипотезы, то оптатив иногда все же считается утраченным в анатолийском и восходящим, следовательно, к индо-хеттскому — так К.Штрук (цитата по [20]). К этим же явлениям относят и становление видовой системы перфектив — имперфектив (реализующейся морфологически как противопоставление основ презенса — аориста) [8;9], признавая лишь выражение способов действия — например, итератива характерной чертой индо-хеттского паязыка. Характерной чертой исследований “ядра” этого направления — Каугила и Лермана — является отказ от рассмотрения данных анатолийских языков, с одной стороны, и “древнеевропейских” — с другой. Основанием для этой точки зрения, наиболее четко выраженной в [6], является слишком поздняя дата фиксации последних, что, вообще говоря, представляется очень убедительным. Напротив, в работах Э.Поломе, Т.В.Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванова и отчасти Э.Ноя высказывается предположение о принципиальной возможности такого анализа. В результате грамматические системы этих языков — как анатолийских, так и “древнеевропейских” — возводятся непосредственно к праязыку, а вся “тяжесть инноваций” приписывается греко-арийской диалектной группе. При этом, в свою очередь, анатолийский все же отделился от таким образом реконструированного праязыка несколько раньше остальных (следующим был, согласно Э.Поломе, прагерманский — сдержанная формулировка в [23]), что вновь приводит нас все к той же индо-хеттской гипотезе, при том, что подавляющее большинство ученых от нее терминологически отстраняются.

Как уже отмечалось, одним из основных свидетельств в пользу сильного варианта индо-хеттской гипотезы является предполагаемое отсутствие в хеттском видовой системы перфектив—имперфектив (реализующейся морфологически как противопоставление основ презенса — аориста) — такого же мнения придерживаются [24:25]. Для данного этапа постулируется наличие лишь морфологического выражения способ действия — в основном итератива (Ср -хеттские производные глагола на *-ske-*; совершенно

необоснованным в данной связи представляется мнение, согласно которому в хеттском засвидетельствована временная система без каких-либо видовых значений, например [11]. При этом для общиндоевропейского форманта *-sk'e- реконструируется именно итеративное значение [2] на основании гомеровских употреблений данного суффикса для выражения итератива в прошедшем времени. Таким образом (и это особенно справедливо для статей Б.Дринки [8;9]) воспроизводится (без каких-либо ссылок) старая концепция Вяч.Вс. Иванова, который писал: "...истоки распространения итеративных глаголов на -sk- лежат в эпохе, общей для многих индоевропейских диалектов и для общесанатолийского, тем не менее собственно хеттским (и специфическим только для этого языка) является осуществившийся только в этом языке (и закончившийся только в новохеттском) процесс построения вторичного (производного) спряжения на -sk- с видовым значением. Близкое типологическое сходство позднейшей видовой функции новохеттских итеративно-дуративных глаголов на -sk- со славянскими видовыми формами на -ajon можно проиллюстрировать, например, ... отрывком из новохеттского мифологического текста (песня об Улликумми)" [1:152-153].

При этом надо сразу отметить, что с общей точки зрения постулирование некоторого гипотетического имперфективного вида и противопоставление его итеративам просто некорректно. Имперфективность является всего лишь предполагаемым инвариантом для дуративного, прогрессивного и некомплетивного видов. В реальных языковых системах они могут быть значениями единого морфологического показателя (с преобладанием того или иного значения), однако это совершенно не обязательно [3]. Итеративность действительно имеет семантически иную природу, связанную тем не менее с "имперфективностью". Поэтому если и можно что-либо противопоставлять в данном случае, так это дуративность (и прочие виды) с одной стороны и итеративность — с другой.

Однако даже такой подход представляется по меньшей степени недостаточно обоснованным. Во-первых, надо отметить, что сам по себе греческий суффикс -ske- в итеративном употреблении производит впечатление очень недавнего образования, так как кроме его формальной "прозрачности" и

продуктивности он может дополнительно маркировать основы не только имперфекта, но и аориста, что в высшей степени странно для форманта. в норме во всех и-е. языках принадлежащего системе презенса. Само по себе его функционирование в языке Гомера еще не может служить решающим аргументом (вопреки К.Г.Красухину [2]).

Более того, само приписывание хеттским глаголам с суффиксом *-ske-*[2; 4] исключительно итеративного значения (что, несомненно, восходит к [7]) не является полностью корректным. Очень показателен в последнем случае следующий текст: *

261 KUB XIII 1 Vs I + KUB XXXI 87 Vs I (перевод и восстановления А Гётце с уточнениями А. А. Королёва) *18 ma-a-ah-ha-an-ma ne-ku-uz-zi . . — when night falls... 23 nam-ma* ^{LU MES} — NI.ZU^{TIM} *ku-i-e-es a-uv-w[u-ri-ya-as har-kan-zi (na-at-kan URU-ri)]* — then let the scouts, who hold look-outs; .

24 *sa-ra-a pa-a-an-du nu KA GAL* ^{HI ATIM} [(*lu-us-ta-ni-i-e-es*)] — return to the town 25 *ha-tal-wa-an-du nu za-ak-ki-e-es pi-e-es-s [i-ya-an-du ... — bolt the gates and exits and let down the bars;*

26 *lu-us-ta-ni-ya-as ERIN* ^{MES} *EGIR-an ha-an-da-a [an-du na-as (A-NA KA.GAL* ^{HI ATIM})]

 — Let them [furthermore] place in readiness the garrison behind the exits;

27 *EGIR-an se-es-ki-e-id-du nam-ma-as-sa-an [(K:LU* ^{MES} *EN.NU.UN ha-li-ya-az) — and let them sleep behind the entrance;*

28 *sa-ra-a tar-na-an-du nu ha-a-lı x SIG5-in [(us-kan-zi /-du)/ — Let them relieve? the sentinels from the enclosing wall , they will guard the enclosure properly;*

29 *ma-a-ah-ha-an-ma lu-uk-kat-ta na-as-ta URU-az* ^{LU IMES} NI.ZU *kat-ta ma?-x-x-a-i?)* — But when it dawns , the scouts will deploy?? down from the town...;

33 [^{LU MES} NI.ZU] *kan SA KASKAL GID DA a-u-wa-ri-e-es a[(p-pa-an-du tu-u-wa har-kan-du) — Let the scout occupy look-outs on the main roads and keep away [raiders] ...;*

36 [^{LU MES} NI.ZU] ^{TIM} *SIG5-in wa-ar-si-ya-an-du nu* ^{LU} KUR-as [(*u-ur-ki-in us-kan-du)]* — Let the scouts cover the roads carefully and keep track of the enemy (Шулер : “ пусть путь держат свободным ”);

37 [*nam-ma-as-]sa-an a-u-wa-ri-ya-as EN-as ERIN* ^{MES} *a-u-r [i-ya nu URU-an] (K : a-u-ri [-ya-as* ^{LU MES} NI? U] RU?/ZU? — *yaf] — Furthermore let the commander of the posts [keep] the garrison*

[together] in the (resp) post;

38 [ERIN^{MES} *a-u-r/i-ya-as-l-NA* UD.III.KAM *wa-aq-qa-r/i-es-ki-id-d/lu* — Let the garnison of the post be absent from the town (only) for two days.

В данном тексте обращает на себя внимание характерное противопоставление точечных (или, по крайней мере, не занимающих много времени) сменяющих друг друга действий и двух длительных В первом случае подразумевается «всю ночь», во втором — конкретно указывается длительный срок — два дня . К сожалению, показательность примера несколько снижается его реконструированным характером, однако все новохеттские параллельные тексты в полностью совпадающем контексте демонстрируют итеративную форму (что, вообще говоря, представляет собой редкую последовательность для данной группы текстов, как раз в отношении итеративных форм обнаруживающих значительные колебания) — вторая версия K.UB XXXI 86 Vsl 13' *wa-ak-qa-gi-es-ki-it-du*, версия I.A.KUB XIII 2 Vsl 4' *wa-ak-[qa-r/i-e/s-ki-it-du]* . Более того , именно итеративная форма хорошо заполняет по знакам лауну . Поэтому восстановление представляется очень надёжным. Данный контекст интересен в первую очередь тем, что он является совершенно однозначно дуративным, обозначая действие, развертывающееся в течение более длительного по сравнению с остальными действиями , описываемыми в тексте, промежутка времени. При этом глагол типа «спать» в норме употреблялся для обозначения длительных действий и, следовательно, *-ske-* показатель для него имел вполне индоевропейский, основообразующий вид , а поэтому и нуждался в «обновлении» с точки зрения языкового чутья хеттов. Этот следующий этап его развития мы и застаём в Лошадиных текстах , где он оформлен при помощи уже двух —*ske-* показателей в идентичном контексте .

При обращении к более широкому анатолийскому контексту мы можем привести в поддержку данной точки зрения палайскую форму *iska*, которую К. Мельчерт рассматривает как 2 ед. ч. императива глагола *es* — «быть» [18:30-31], также [19]. Мы, вероятно можем реконструировать данную форму для общен.-е. * *h1-sk e / o- cp. тох.* В 3 Pl Ind глагола-связки *skenie* < пратох. * *skanta*, с суфигированным личным местоимением — *skentar-ne* < пратох.

*skanta >*r-na*< vorurtoch. *sko-nto* инъюнктив, *sko-nt* / индикатив; греч. *! eskon, ! eske*, лат. *escit, escunt* с полной ступенью по аналогии [14:61-67] (без упоминания палайских фактов). При этом показательно, что *iska* употребляется как раз в ритуальном длительном микротексте. При этом обе приведенные формы очень показательны в том смысле, что они обозначают действия, в норме не контролируемые своими субъектами, что противоречит продуктивной хеттской тенденции образовывать *-ske-* глаголы от лексем, обозначающих контролируемые действия (попытка К.Мельчерта, оперирующего новохеттской копией, постулировать и для хеттского языка эту же форму абсолютно несостоятельна) Поэтому предположение, что именно здесь мы имеем дело с архаизмами, не представляется надуманным. Видимо, тем фрагментом и *-e* глагольной системы, к которому непосредственно восходит пранатолийский (реконструкция в данном случае может быть проведена только на материале хеттского языка, так как данные других анатолийских языков совершенно недостаточны) будет в данном случае следующее: дуративный характер образований на *-ske-* в случае их функционирования как единственного показателя системы презенса, итеративный характер данных форм при наличии более чем одного презентного показателя

Таким образом, в анатолийских языках мы еще застаем остатки системы, непосредственно сопоставимой с греческой (наиболее полно отражающей не только формальные, но и семантические характеристики приведенной выше реконструкции формой, послужившей исходным пунктом для создания итеративной системы в имперфекте, являлся как раз унаследованный презенс **ske-*) и ведийской В хеттском для исключительно редких дуративных употреблений противопоставление *-ske-* формы и простого глагола действительно носит в ряде случаев характер точечность — дуративность (так для *parh-*: *parhsk-* “преследовать, изгонять”), для ряда глаголов простой формы в среднехеттском просто не засвидетельствовано (например, для *sesk-* “спать”) Это, однако, уникально редкие остатки предшествующей системы. При том, что формальных следов особой основы аориста в анатолийских языках уже не обнаруживается: факты существования в средне- и древнехеттском претерита второго лица множественного числа с полной ступенью (при том, что для

первого и третьего лица множественного числа в норме употреблялась нулевая ступень), интерпретируемые как рефлекс аористной основы [10], таковыми не являются, так как такую же ступень аблаута имеют и многие формы, образованные отпрезентной основы [12]. Таким же образом недостаточно обоснованным представляется предположение С. Кимбалл видеть в *neshut* “повернись” сохранение особой основы сигматического аориста [13:47], так как парадигма данного глагола имеет множество форм с тождественной огласовкой, но без каких-либо следов сигматического показателя. Для подавляющего же большинства хеттских глаголов простые формы даже с синхронной семантической точки зрения неэквивалентны аористам, так как и *-ske-* формы даже в случае выражения дуративного значения не несут только лишь видовую информацию, а еще и прагматическую, которая для системы хеттского глагола оказывается более значимой. Так, уже упоминавшийся палайский *iska* противопоставляется простому глаголу не своим дуративным значением, а прагматическим значением “всегда, постоянно”. Таким образом, в истории развития анатолийских языков мы методами внутренней реконструкции можем выделить следующую ступень развития, параллельную во многом ведийскому противопоставлению актуальности — неактуальности, развившемуся на базе аориста — имперфекта.

Для современной трактовки видовых показателей также весьма показательной является рассмотрение А.Лерманом *huzzue-* “играть на музыкальном инструменте”, *zuhhye-* “сражаться”, которые он рассматривает как лексические итеративы (более корректно было бы считать эти образования мультипликативами) к корневым *hatt-* “ударять”, *zahn-* “ударять” (все остальные примеры просто не выдерживают никакой критики) [17:211-213]. При этом подчеркивается различие между «индоевропейским» реконструктом, в котором основы на **-ye/o-* были словоизменительным средством образования имперфективов к перфективным корням (при этом существует и точка зрения, согласно которой данные образования имели интенсивное значение [4:230]), в то время как в анатолийском они являлись словообразовательной категорией. С данным заключением, как описывающим в первом приближении факты анатолийских, с одной стороны, и остальных и.-е. — с

другой, трудно не согласиться. Однако совершенно непонятно, почему из этого должно вытекать заключение о том, что индоевропейское положение дел, когда две основы отличаются не лексическим значением, а аспектуальными характеристиками, явно представляет собой результат распространения по аналогии по сравнению с анатолийским: словообразовательные суффиксы с ограниченными сочетаемостными характеристиками начали использоваться, посредством аналогии, с растущим числом корней, образовав в результате формоизменяющую систему. Противоположный сценарий, описанный Х.Айхнером, представляется А.Лерману маловероятным из-за предполагаемой неспособности последнего объяснить возникновение лексических различий между различными основами глаголов. Между тем, лексикализация грамматических значений является очень обычным развитием. Она могла произойти до распада в хеттском системы видов (тем более, что он завершается в буквальном смысле слова на наших глазах).

Таким образом, из новых данных, которые исследователи последних пяти лет приводили в поддержку индо-хеттской гипотезы, только тезис о полном отсутствии активных тематических и модальных образований в хеттском при их широком распространении в остальных индоевропейских языках, а также утверждение о сопоставимости хеттского *hi*-спряжения с индоевропейским перфектом являются достаточно обоснованным языковым материалом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов Вяч.Вс.   Общенидоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. — М., 1965. — 298 с.
2. Красухин К.Г. Категории аспекта и времени в индоевропейском ракурсе // Типология вида: Проблемы, поиски, решения. — М., 1998. — С. 231-240.
3. Плуныян В.А. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // Там же. — С. 370-381.
4. Beekes R. Comparative Indo-European linguistics. — Amsterdam; Philadelphia, 1995. — 211 p.

5. Cowgill W. Anatolian *hi*-conjugation and Indo-European perfect: Instalment II // Hethitisch und Indogermanisch. – Innsbruck, 1979. – S. 59-68.
6. Cowgill W. The personal endings of thematic verbs in Indo-European // Grammatische Kategorien: Funktion und Geschichte. Akten der VII Fachtagung der indogermanischen Gesellschaft, Berlin 20.-25. Februar 1983. Hrsg. Von Schlerath B. u. Rittner V. – Wiesbaden, 1985. – S. 95-103.
7. Dressler W. Studien zu den verbaen Pluraliat: Iterativum, Distributivum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen. – Wien, 1968.-178S.
8. Drinka Br. The dispersion of Indo-European dialects: Clues from morphology // Word.- N.Y., 1993. – Vol. 44. – P.413-429.
9. Drinka Br. Indo-European verbal system // Historical linguistics 1993. Sel. papers from the 11th Intern. Conf. on historical linguistics, Los Angeles, 16 – 20 Aug. 1993 / Ed. by Andersen H. – Amsterdam, Philadelphia, 1995. – P. 207-235.
10. Eichner H. Die Vorgeschichte des hethitischen Verbalsystems // Flexion und Wortbildung: Akten der 5. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Regensburg, 9 – 14, Sept. 1973 / Hrsg. von Rix H. – Wiesbaden, 1975. – S. 71-104.
11. Giannikis G. The tense-aspect system of the Indo-European verb // Word. – N.Y., 1993. – Vol. 44, №3. – P. 485-497.
12. Hart G. The Ablaut of present and preterit radical verbs // Anatolian studies. – L., 1980. – Vol.30. – P.51-63.
13. Kimball S. The IE short diphthongs *ai, *ai, *ou, and *ain in Hittite // Sprache. – Wien, 1994. – Bd 36, H.1. – P. 45-61.
14. Klingenschmitt G. Das altarmenische Verbum – Wiesbaden, 1982. – 202 S.
15. Lehrman A. Hittite *isparri-* "trample" and Vedic *sphurati* "kick" // Sprache. – Wien, 1993.- Bd 35 H.1. – P.39-52.
16. Lehrman A. Indo-Hittite revisited // IF Bd. 101: – pp. 73-88.
17. Lehrman A. Indo-Hittite redux: Studies in Anatolian a. Indo-European verb morphology. – Moscow, 1998. – 217 p.
18. Melchert H.C. Notes on Palaic // Ztschr. für Vergleich. Sprachforschung. – Göttingen, 1984. – Bd 97, H.1. – P. 98 – 120.
19. Melchert H.C. Anatolian historical phonology. – Amsterdam; Atlanta, 1994.. – 457 p.
20. Neu E. Zur Grammatik des Hurritischen auf der Grundlage der hurratisch-hethitischen Bilingue aus der Bogazkoy-Grabungskampagne 1983 // Xenia. – Konstanz, 1988.-Bd. 21 – S 95-115.
21. Neu E. Modusbildungen im Hurritischen // Indogermanica et Caucasicca: Festschr. für K. H. Schmidt. Berlin; New York, 1994. – S. 280-297.
22. Oettinger N. Indo-Hittite Hypothese und Wortbildung – Innsbruck, 1986. – 40 S

23. Polome E. The development of Indo-European studies since the neogrammarians // *Word*. – N.Y., 1995. – Vol. 46, №1. – P. 46-49.
24. Schmitt-Brandt R. Aspectkategorien in PIE? // *J. of Indo-Europ. Studies*. – Hattiesburg, 1987, Vol. 15. – S 116 – 132
25. Szemerényi O. The origin of aspect in the Indo-European languages // *Glotta*. – Gottingen, 1986. – Bd. 65, №1. – P. 36-57.

А.В. Сидельцев

99.02.010. ХОРРОКС ДЖ. ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК: ИСТОРИЯ ЯЗЫКА И ЕГО НОСИТЕЛЕЙ.

HORROCKS G. *Greek: A history of language a its speakers*. – L., N.Y. Longman, 1997 – XXII, 343 p. – (Longman linguistic library). – Bibliogr.: p. 366-380.

Книга построена по хронологическому принципу. Первая часть посвящена древнегреческому периоду. В первой главе рассматриваются проблемы раннего диалектического членения древнегреческого языка, место языка микенских надписей среди ранних диалектов. Относительно диалектной картины I тыс. до н.э. особо указывается на “промежуточный” характер аттического диалекта, подвергшегося, по-видимому, эолийскому влиянию. Далее разбираются проблемы становления нормы классического языка (вторая глава) через язык архаического эпоса и язык ионийской прозы в двух вариантах: языке административных текстов и языке литературы. В третьей главе автор анализирует усиление роли аттического диалекта (в административном и литературном вариантах), обращая особое внимание на начало процесса конвергенции аттического и ионийского диалектов.

Переход к эллинистическому периоду в истории греческого языка знаменуется появлением койне (третья глава). Койне никак нельзя рассматривать — вопреки появившейся относительно недавно концепции — как своего рода креольский язык или пиджин. В основе этого литературного языка лежал уже расширивший сферу своего влияния и ставший наддиалектным язык аттической коммерческой деятельности, дипломатии и административной коммуникации. Как и предшествующие литературные формы, койне также была и языком администрации, и

языком литературы (и в самой Греции, и за ее пределами, в эллинизированных областях Ближнего Востока и Малой Азии, особенно в Египте). В это время начинает пересматриваться грамматическая структура языка: порядок слов изменяется, все более приближаясь к ставшему позднее нормой VS. Автор подчеркивает особую ситуацию устной формы койне и рассматривает некоторые фонетические и морфологические особенности региональных вариантов койне. В пятой и шестой главе автор указывает основные черты письменного и устного языка эпохи Римской империи.

Вторая часть посвящена греческому языку Византии. Этот период, как отмечается в седьмой главе, отличается сложным соотношением разговорного и письменного языка, достаточно далеко отстоявших друг от друга, в результате и осознание принадлежности к греческому языковому сообществу и языковой традиции было достаточно сложным и противоречивым. В следующих четырех главах автор разбирает основные компоненты языковой ситуации Византии: язык “высокой” литературы, “средние” жанры (хроники, научные сочинения и т.д.), разговорный язык и литература на “народном” языке.

В третьей части рассматривается история новогреческого языка. В 13-15 главах характеризуется ситуация периода оттоманского господства и войн за независимость, отдельно разбираются особенности разговорного и письменного языка этого времени. Две последние главы посвящены новейшей истории греческого языка как языка независимого государства. Нараставшие противоречия между многовековой письменной традицией и развитием разговорного языка привели к кризису, который получил разрешение в ходе возникновения современного греческого литературного языка. Основой этого языка стал повседневный язык городского “среднего класса”, дополненный, с одной стороны, языком более широких масс населения, и с другой — языком политической и научной элиты, языком серьезной прессы.

С. А.Ромашко

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

99.02.011. НОВЫЙ СПРАВОЧНИК ПО ГОМЕРУ.

A new companion to Homer / Ed. By Morris I. A., Powell B. — N.Y. etc.: Brill, 1997. — XVIII, 755 p. — (Mnemosyne. Suppl., 163). — Bibliogr.: p.715-745.

Во введении редакторы-составители отмечают, что появление нового справочника — взамен уже ставшего классическим издания 1962 г.¹ — обусловлено изменением общей ситуации в исследованиях, посвященных Гомеру. Это нашло отражение, в частности, в смещении баланса между филологической и археологической составляющей (в пользу первой). Новое издание, кроме того, рассчитано на более широкий круг читателей — не только на тех, кто непосредственно занимается проблемой, читая тексты в подлиннике, но и на тех, кто языком оригинала не владеет, но обращается к тексту Гомера. В то же время справочник предназначен и для специалистов, для более широкого понимания проблематики, с учетом достижения смежных областей, поскольку филология, история, археология и искусствоведение на сегодняшний день далеко отошли друг от друга.

Издание разделено на несколько тематических разделов. В первом из них рассматриваются проблемы текстовой традиции и истории его интерпретации.

Б. Пауэлл в главе “Гомер и письменность” подчеркивает, что проблема соотношения раннего греческого эпоса и возникновения алфавитной письменности у греков чрезвычайно сложна, однако все попытки “обойти” ее, либо отнеся поэмы к более позднему времени (например, к VI в. до н.э.), либо, напротив, сдвигая возникновение алфавитной письменности в более раннее время (X в. до н.э.) бесперспективны. Для понимания роли текстов, традиционно приписываемых Гомеру, в истории культуры необходимо ответить на вопросы о временной и содержательной роли письменности для создания, фиксации и передачи эпоса. По мнению Пауэлла, автор поэм был человеком устной культуры, однако создавал он их во время, когда только что возникшая алфавитная письменность

¹ A companion to Homer. — L., 1962. — 595 p.

начинала входить в жизнь общества. Как показывают самые ранние памятники письменности у греков (вторая половина VIII в. н.э., например надпись на “кубке Нестора”), алфавит уже в это время использовался для фиксации литературных (или квазилитературных) текстов (напротив, деловая письменность для алфавита явно не характерна). Сопоставляя эти параметры, автор приходит к выводу, что алфавитная письменность была создана на Эвбее (или связанной с ней территории) неким гениальным новатором на основе финикийского квазиалфавитного письма в середине VIII в. до н.э., т.е. примерно за поколение до наиболее ранних памятников, а письменная фиксация эпических поэм должна была происходить в форме диктовки уже в период раннего распространения письменности там же, где она и возникла (а не в Малой Азии, как полагают по традиции).

Р.Ламбертон написал главу “Гомер в античную эпоху”, в которой кратко рассматривается история чтения Гомера античными авторами, начиная с первых ссылок на Гомера у ранних поэтов и философов и завершая включением Гомера в раннехристианскую письменную культуру (начиная с середины IV в.).

М.Хаслам (“Папирусы с текстами Гомера и традиция текста”) подчеркивает “чрезвычайно динамический, открытый характер” текстовой традиции Гомера (с. 55) на протяжении многих веков.

Ф.М.Гернер в главе “Гомеровский вопрос” дает историю дебатов, появление которых знаменовало начало современного гуманитарного знания, его профессионализацию.

Главы “Устная традиция и ее следствия” (Дж.М.Фоли) и “Неоанализм” (М.Уиллкок) рассматривают две основные противоборствующие тенденции подхода к тексту Гомера в течение XX в.: эпические поэмы как элемент устного, в значительной мере фольклорного предания, или как результат сознательных авторских операций со структурой текста.

Вторая часть посвящена лингвистическим аспектам изучения текста Гомера. Дж.Хоррокс в главе “Гомеровский диалект” рассматривает основные структурные характеристики языковой формы текстов Гомера и связанные с этим проблемы филологической интерпретации. Это необходимость, с другой стороны, реконструировать реальный вид текста в момент его появления (поскольку позднейшая письменная фиксация

представляет собой отражение языкового сознания уже классического и даже более позднего времени), с другой — определить хронологические и ареальные пласты, из которых складывается своеобразие языка Гомера. В связи с этим необходимо обращение к новой картине ранней диалектной истории греческого языка, которая исключает применительно к эпохе бронзы — времени, к которому восходят истоки языка эпоса, — разделение на “эолийские” и “ионийские” элементы (формирование этих диалектических групп произошло позднее). Вопрос об “эолийской” фазе в предыстории гомеровского языка остается чрезвычайно острым и ни одно из традиционных решений этого вопроса нельзя признать “окончательным”. Особую проблему представляет определение соотношения языка Гомера и языка микенских надписей (с учетом реконструкции реальной языковой ситуации микенской эпохи — разговорного языка, языка поэзии и их соотношения с языком административных документов).

М.Уэст в главе “Гомеровская метрика” описывает структуру раннего гексаметра, особенности его функционирования, языковые основы (просодические характеристики языка) и рассматривает проблему происхождения гексаметра (по его мнению, гексаметр возник в раннюю микенскую эпоху в результате трансформации индоевропейского метрического наследия; таким образом, гексаметр — чисто греческая инновация, но на индоевропейской почве).

Дж.Руссо написал главу “Формула”, в которой попытался обобщить результаты исследования этого важнейшего структурного элемента эпического текста. Исследования, у истоков которых стоял М.Пэрри, привели к созданию широкого фронта исследований; при этом понятие формулы на протяжении последних десятилетий не оставалось неизменным. Все более ясно, что эпическая формула в ее “классическом” виде представляет собой лишь часть общего запаса повторяющихся структурных элементов текста на его различных уровнях (как и методов структуризации). В распоряжении эпического поэта был широкий диапазон средств, от стандартизованных и фиксированных до свободных и индивидуальных.

Тема продолжена в следующей главе, написанной М.Э.Эдвардсом (“Гомеровский стиль и устная поэтика”). В ней

рассматриваются, в частности, проблемы междисциплинарного подхода к изучению эпического языка и текста, необходимость использовать при создании “устной поэтики” достижения самых разных областей гуманитарного знания (грамматика и теория текста, изучение устной речи, фольклористика и др.).

Структурные характеристики текста Гомера рассматриваются в следующих двух главах: Е.Баккер “Изучение гомеровского дискурса”; И. Де Йонг “Гомер и изучение повествовательных текстов”.

Третья часть справочника посвящена поэмам Гомера как литературной структуре. В нее входят главы: С. Шейн “<Илиада>: структура и интерпретация”; С. Трейси “Структура <Одиссеи>”; Э.Форд “Эпос как жанр”; Л.Эдмундс “Миф у Гомера”; У.Хансен “Гомер и фольклор” и др.

Четвертая часть “Мир Гомера” посвящена историческим и археологическим аспектам изучения архаического эпоса. Среди глав этой части: Дж.Беннет “Гомер и бронзовый век”; И.Моррис “Гомер и железный век”; А.Снодграсс “Гомер и греческое искусство”; С. Моррис “Гомер и Ближний Восток”; К.Раафлауб “Гомеровское общество”.

С. А.Ромашко

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

99.02.012. ШАПОШНИКОВ В.Н. РУССКАЯ РЕЧЬ 1990-х: СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ В ЯЗЫКОВОМ ОТРАЖЕНИИ. — М.: МАЛП, 1998. — 243 с.

Автор отмечает в “Предисловии”, что черты общественного сознания отражаются на всех уровнях языка, и прослеживает эти черты в современной русской орфоэпии, морфологии, лексике, фразеологии.

Книга состоит из шести глав и заключения.

В главе первой “Современная речь со звуковой стороны” В.Н.Шалошников пользуется понятием “наше фонетическое время” (с. 25), которое представлено новыми текстами электронной прессы, выступлениями новых социальных групп — политиков, лидеров партий, предпринимателей, а также устными

рекламными текстами. В этих текстах обнаруживаются некоторые отступления от нормативного произношения. Так, например, постулировавшееся некогда иканье в его совершенном (суженном) виде (типа [н'ису]) не обнаруживается ни в речи дикторов центрального радио и телевидения, ни в какой-либо иной культурной сфере.

Автор обращает также внимание на значительные изменения в произнесении гласных в безударных позициях, в частности, на явления редукации. Новая манера произнесения предупредного звука заключается в том, что он не только произносится значительно короче и слабей ударного, но и почти наоборот едва ли не делается длинней его: [ˈваазьми], [ˈпаайдем].

В этой же главе констатируются некоторые изменения в области правописания, например, написание с большой буквы слов “Бог”, “Патриарх”, “Президент”, “Конституция”, а также слов, обозначающих конкретные учреждения, например, “Банк”, “Фирма” и т.д. Последнее особенно характерно для рекламных текстов. Офографической инновацией для русского языка является также отказ от кавычек в печатном тексте: выделяемые названия печатаются большими буквами (типа ПАНОРАМА).

Основным тезисом главы второй “Современная русская фонетика в социолингвистическом и философско-культурном аспекте” является следующий: “Фонетическая и вообще речевая ситуация... соприкасается с феноменологией централизации культуры, общественной жизни, их степени, форм проявления и осуществления” (с. 51).

Перечисляются следующие факторы, обусловившие изменение московского произносительного канона: 1) скачок урбанизации, который Москва пережила в недавнее время; 2) снижение общей численности населения Москвы, сопровождающееся качественными демографическими изменениями; 3) изменения ситуации в средствах массовой коммуникации, когда радио и телевидение перестало быть преимущественно центральным и, следовательно, распространять московскую произносительную норму на территории всей страны. Сегодня в эфире активно работают дикторы местных вещаний, которые “являются носителями речевой системы своей родной местности” (с. 49). Таким образом, подчеркивает

В. Н. Шапошников, “центричная монополия мыслившегося производственного эталона существенно подрывается. К тому же дикторов в Центре как бы упразднили, сделав ключевыми фигуры ведущих, журналистов, комментаторов” (там же).

Для речи в эфире характерен сегодня высокий темп и торопливая манера, иногда почти скороговорка. В этой новой речевой манере проявляется феномен сближения культурно-официальной, т.е. кодированной, и некодифицированной речевых сфер на основе опрощения кодифицированной сферы, с одной стороны, и экспансии разговорной речи, т.е. проникновения ее в новые сферы коммуникации (телевидение, радио, прессу, сферу официального общения, песенную культуру и т.д.) — с другой.

Инновации в русской грамматике рассматриваются в главе третьей “Грамматическое оформление”. Отмечаются: 1) колебания в роде — прежде всего у иностранных слов, например, “виски”, м/ср.р. 2) широкое распространение аббревиатур и сложно-сокращенных слов, например, “РИКК-Банк”, “АООТ-ЛОМО”, “Бикор-М”, 3) увеличение количества существительных среднего рода типа “дилер/ша”, “дистрибьютер/ша; 4) изменения в системе числа: слова, традиционно принадлежавшие к группе *singularia tantum*, приобрели форму множественного числа: “бизнес — бизнесы”, “экономика — экономики” и т.д.; 5) усиление аналитизма: “комиссия Гор-Черномырдин” вместо “Гора-Черномырдина”, т.е. обычного родительного падежа со значением принадлежности; распространение несклоняемости имен числительных (вместо “двадцати одного” — “двадцать одного”); 6) распространение “глагольной возвратности” (с. 74), например, глагол “обменяться” используется без дополнения; 7) повышение частотности некоторых служебных слов, например, предлогов “по” (“директор по маркетингу”, “план по закладке овощей”) и “вокруг” (“ситуация вокруг Руцкого”, “Пугачевой нужна шумиха вокруг ее имени”); 8) вариативность употребления личных имен (например, используются уменьшительные формы имен артистов: “Маша Распутина”), не используются отчества (“Борис Ельцин”); 9) активизация суффиксального образования существительных от прилагательных (“силовик”, “теневик”), а также бессуффиксального (“интенсив”, “неформал”) и т.д.

По наблюдениям автора, аналитические явления в грамматике — характерная черта языка деловой сферы.

В главе четвертой “Слово. Современный мир слов” исследуется экономическая лексика как наиболее активно пополняющийся словарный пласт. Отмечается, что этот разряд слов пополнился разговорными, просторечными и жаргонными единицами (“баксы”, “безнал”, “лимон”, “штука” и т.д.), а также иностранными словами, нередко в их исконном написании (“Все для Notebooks”, “Телефонные станции Goldstars”).

В политической лексике отмечаются изменения, основанные на культурно-языковой пересорентации, что “приводит к обособлению грамматических рефлексов вплоть до омонимии” (с. 117). Так, слова “контроль”, “контролировать” всегда означали “проверка”, “проверять”, теперь же — “господство”, “управлять” (ср. “Контролировать игорный бизнес, добычу нефти в регионе”). В основе этого семантического преобразования лежит пересорентация на англ. Control: 1) “управлять, руководить”; 2) “проверять”; 3) “регулировать”; 4) “сдерживать”; 5) “делать пробный удар”.

Изменения в употребительности слов выражаются в изменении их частности, что может быть вызвано, например, изменением контекста употребления (ср., например, значительное расширение контекста использования слова “банк”). Таким образом, в лексико-семантической системе современного русского языка происходит перераспределение единиц между тематическими группами и предметными областями, что нередко приводит к изменению значения слов (например, слова “челнок”).

Заметной особенностью современной русской речи является ее эвфемизация, т.е. тенденция к уклончивому, смягченному выражению (“непопулярные меры”, “деструктивный”).

В главе пятой “Слова в их сочетаниях и взаимосвязях” исследуется общественно-политические языковые единицы, представленные сочетаниями прилагательных и существительных, например: “экономические (высшие, уголовные, воровские, криминальные, местные) авторитеты”, “президентская (клубная, вооруженная, переговорная) команда”.

Среди подобных конструкций представлены единицы разной степени устойчивости — от принятых обозначений новых реалий

(“коммерческий банк”, “вооруженное формирование”, “заказное убийство”) до устойчивых обозначений давно существующих реалий (“аграрная политика”, “силовые структуры”, “областная администрация”). Автор выделяет также “сочетания не безусловно терминологичные, однако употребительные именно в данном виде: “рядовые акционеры”, “четвертая власть”, “корридоры власти” и т.д.” (с. 175). В отдельную группу выделяются словосочетания, “не характеризующиеся узаконенной широчайшей употребительностью, однако являющиеся далеко не окказионализмами: “депутатские разборки”, “порядочные структуры”, “коммерческая элита” (с. 176). Некоторые явления связываются с именами конкретных лиц: “сторонники Ельцина”, “курс Гайдара”, “соколы Жириновского”.

Отмечается широко распространенная семантическая избыточность исследуемых словосочетаний: “итоговые выводы”, “взаимное сотрудничество”.

Некоторые новые словосочетания образованы на базе прежних: “международная напряженность” — “социальная напряженность”, “широкие круги” — “деловые, финансовые круги”.

В составе предложений и фраз также обнаруживается характерная для современной эпохи клишированность: “Президент подписал пакет указов”, “погасить долги по зарплате” и т.д. Отмечается большое количество штампов, пришедших из рекламы: “Всемирная история — банк “Империал”, “рекламная пауза”, “Марс — это класс”. Авторских фразеологизмов (“процесс пошел” — Горбачев, “лечь на рельсы” — Ельцин, “Хотели как лучше, получилось как всегда” — Черномырдин). Многие возникли на базе старых: “светлое прошлое”, “назад в светлое будущее”, “вперед, к победе капитализма”.

Как специфическая черта современной синтагматики отмечается унификация сочетаемости компонентов, их индифферентность к конкретным морфологическим и семантическим показателям:

трагедию
конфликт

решать

кризис

политическую стабилизацию

Один из принципов современной синтагматики состоит в том, пишет автор, что “нет почти ничего невозможного в сочетаемости, сопряжении слов (однако нормы, самое представление о хорошей речи пока еще остаются)” (с. 185).

Исследуя лексико-семантические связи в современном русском языке, автор отмечает образование новых синонимических рядов, например: “непримиримость = борьба = противостояние = конфронтация”, “сыщик = оперработник = сотрудник уголовного розыска = агент”. Обновляются прежние ряды синонимов: “взгляд = воззрение = убеждение, мнение, точка зрения, позиция”, “нажим = напор, давление, натиск, прессинг, лоббирование”.

Что же касается антонимии, то эти отношения часто строятся на противопоставлении не предметно-понятийных компонентов, а оценок (особенно в оппозициях, образуемых словами “демократия”, “конфронтация”, “фашизм”).

Глава шестая “Значения. Языковое содержание” посвящена следующим изменениям предметно-логического плана в языке: 1) смене обозначаемого, например, “аграрии” сейчас обозначают не сельских тружеников, а политическую партию; 2) изменениями понятий вследствиемены смысловых признаков, добавления / устранения сем и т.д.; например, в слове “гувернер” в значении “воспитатель детей, приглашенный в семью” сегодня отсутствуют семы “иностранец” и “буржуазно-дворянская семья” (ср. определение в “Словаре русского языка”¹: “Воспитатель детей в буржуазных и дворянских семьях, обычно иностранец”; 3) полисферизации слов, т.е. использованию их в новом тематическом контексте:

политического движения
лидер
преступной группировки

общества

цвет

банды

¹ Словарь русского языка — М., 1981. — Т. I-4.

В заключении констатируется, что “культурная (и квазикультурная) речь показывает определенное переструктурирование, рефокусирование, смещение социокультурного пространства и его сфер” (с. 233).

Н.Н.Трошина

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

99.02.013. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЛОВА И ТЕКСТА: Сб. науч. тр./ Тверь гос. у-нт; Редкол: Залевская А.А. (отв.ред.) и др. – Тверь, 1997. – 78 с. – Библиогр в конце ст.

В статьях предлагаемого сборника обсуждаются актуальные вопросы теории и практики психолингвистических исследований лексики, фразеологии, понимания и перевода текста; даются обзоры литературы по новейшим публикациям в нашей стране и за рубежом; анализируются результаты экспериментальных исследований.

В первом разделе (“Вопросы теории и обзоры литературы”) помещены 10 статей, охватывающих довольно широкую проблематику, от проблемы парадигм и оснований исследовательского поиска (Т.М.Рогожникова), ведущих принципов установления референции нового имени (Л.В.Барсук) или скрытых механизмов речевой коммуникации (Т.Ю.Сазонова) до проблемы взаимодействия слова и понимания текста (И.Л.Медведева) или теории взаимодействия языков при обучении второму/третьему языкам (А.А.Пойменова).

“Экспериментальные исследования лексики и фразеологии” – второй раздел сборника, включает 9 статей, некоторые из них продолжают информировать читателей о научных изысканиях, предыдущие этапы которых уже освещались в наших публикациях.

Третий раздел “Исследования понимания текста” представлен семью работами.

Статья А.А.Залевской “Различные, подходы к трактовке значения как достояния индивида” обращена, в первую очередь, к начинающим исследователям, которым проблема значения видится пестрой и противоречивой, и подходы к исследованию которого в разных науках пересекаются, хоть это и камуфлируется новой терминологией, аргументацией и т.п.

В качестве критериев для разграничения основных подходов к рассматриваемой проблеме значения автор предлагает ключевые понятия, которые изначально формируют развитие определенного направления научных изысканий. Такой подход представляется наиболее удачным для демонстрации динамики взглядов на значение как достояние индивида и фундаментальности этих понятий.

Статья условно может быть разделена на две части, в первой из которых перечислены и откомментированы основные направления исследований, а во второй более подробно описаны некоторые малоизвестные публикации последних лет.

К ведущим направлениям в исследовании специфики значения слова как достояния индивида автор относит ассоциативный, параметрический, признаковый, прототипный и ситуационный подходы. Соответственно им рассматриваются ключевые понятия ассоциации, параметра, признака, прототипа и ситуации.

Рассматривая ассоциативный подход, А.А.Залевская уточняет, что речь идет только об ассоциативном значении, но не об ассоцианизме как о направлении развития мировой психологии. Возникновение понятий ассоциативного значения слова и оформление такого подхода связывается с выходом книги Дж.Диза “Структура ассоциаций в языке и мысли”, которая является обобщением и теоретическим осмыслением обширного экспериментального исследования ассоциативного и категориального значения, проявляющегося при свободном воспроизведении слов через объединение их испытуемыми в семантические и/или тематические группы (кластеры). Исследования тематических групп, начатые в свое время У.Баусфилдом, теперь трактуются как очень важные для понимания природы когнитивной структуры человека и отработки методов когнитивной психологии.

Потенциал ассоциативного эксперимента реализуется в исследованиях функционирования ассоциативного значения, как средство изучения других видов значения, организации лексикона человека и многих других.

А.А.Леонтьев¹ отмечал, что факторы выделенные методом Дж.Диза, легко интерпретируются как семантические компоненты значения слов, что доказывает принципиальное единство психологической природы семантических и ассоциативных характеристик слов.

Следующий подход к проблеме значения назван параметрическим, так как для носителя языка значение слова не является монолитным, а разложено на ряд составляющих, степень выраженности которых может быть измерена. Появление этого направления связывается с именем Ч.Осгуда и разработанным им и его коллегами методом семантического дифференциала. Этот метод измеряет коннотативное значение слова, которое может быть описано через локацию в рамках трехмерного пространства или, иначе, в рамках трех параметров, соответствующим трем независимым факторам: оценки, силы и активности. Положение значения в таком пространстве выявляется путем шкалирования слова по ряду параметров.

А.А.Залевская отмечает, что идеи о параметрах значения актуальны и с позиции Н.Хомского относительно "переключателей" (switches), которая фокусирует внимание на имплицативных отношениях внутри языка, важных в условиях обучения второму языку.

Признаковый подход к значению автор статьи отделяет от компонентного анализа как метода семасиологического исследования с целью разложить значение слова на минимальные семантические составляющие. Исследуя то, как пользуется значением слова индивид, ряд ученых описывает то, что стоит за словом у человека через некоторый набор признаков, которые характеризуют увязываемый со словом объект, действие, качество и т.п.

---

¹ Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. - М., 1969 - С. 268.

Автор также подробно останавливается на разнообразной критике данного подхода к исследованию значения.

Прототипный подход в значительной мере связан с недостаточностью признакового значения и своим возникновением в значительной степени обязан работам Э.Рош. Однако сама Рош на определенном этапе своих исследований отказалась от первоначальной гипотезы о том, что удачный по оценке носителей языка пример категории (прототип) непосредственно отражает внутреннюю структуру ментальной репрезентации. Следует говорить лишь об эффектах прототипичности. Автор статьи подчеркивает, что Дж.Лакофф, критик гипотезы Рош, отмечает, что постулаты значения приобретают смысл в контексте когнитивных схем, поскольку последние структурируют наш непосредственный опыт.... ментальные пространства не могут функционировать в теории значения, основывающейся на отношениях между символами и вещами, реально существующими в мире.

В качестве еще одного из подходов к трактовке значения автор выделяет ситуационный (событийный) подход, фокусирующий внимание на том, что для пользующегося языком человека значение слова реализуется через включение его в некоторую более объемную единицу – пропозицию, фрейм, схему, сценарий, событие и т.п. (каждое из названных и подобных им слов является ключевым для данного подхода). Важным положением данного подхода является установка, что значения функционируют не по отдельности, а в определенных связях, которые складываются в более крупные кластеры (группы), поля, сети. В качестве “узлов” в сети по трактовке разных авторов выступают ассоциации, пропозиции, фреймы, наборы признаков и т.д.

В последнее время автор отмечает особенную активизацию попыток приблизиться к трактовке значения с учетом его включенности в более широкий контекст ситуации, деятельности.

В заключение автор подчеркивает, что ни один из перечисленных выше подходов к проблеме значения не охватывает всех аспектов этого многогранного феномена, все они должны действовать в составе ансамбля, взаимодополнительность (но не эклектическое сочетание!) компонентов которого способна дать исходный материал для разработки психолингвистической концепции значения.

Н.В.Рафикова (“Психологическая структура значения слова как набор фиксированных установок”) представляет попытку рассмотреть уровневый характер инвариантных тенденций формирования проекции текста. Базой исследования явился предварительный эксперимент, направленный на изучение разных проекций текста, формирующихся на основе ассоциативного значения некоторого слова, выступившего для данного испытуемого в качестве основного элемента понимания. Аспектом, привлечшим внимание, явилось разные функциональные особенности ключевых единиц. Автор имеет в виду способность ключевых единиц выводить на более широкую схему, отражающую модель ситуации. Информационное поле этой схемы однозначно переживается индивидом как проекция данного текста. На каждом этапе понимания существует некоторый смысл, ментальное пространство которого является наиболее коротким и экономичным путем прохождения информационного сигнала в виде возбуждения или активации ассоциативной структуры, обеспечивающей быстрое и правильное понимание прочитанного. При этом каждое ключевое слово потенциально содержит оптимальные для своей цели характеристики.

Н.В.Рафикова на материале экспериментальных данных проверяет следующую гипотезу о механизме понимания текста: вариативность понимания как результат действия инвариантных тенденций в развитии проекции текста определяется активацией различных подструктур (подсистем) ассоциативной структуры слова, выступившей в качестве опорного элемента при понимании текста. Их следует рассматривать как проекции данного слова в индивидуальном сознании. Их взаимодействие образует один из уровней формирования проекции текста, которая по содержательным характеристикам отличается от той проекции, которая находится в окне сознания.

Трактовка содержательной стороны единиц проекций опирается на признание их концептуального характера, способности субъективно переживаться индивидом в виде просгой и неделимой единицы при объективной сложности и содержательной бесконечности. Данная трактовка и гипотеза механизма формирования проекции текста опирается на концепцию

коннекционистских сетей и структуру психологического значения слова.

Последнее десятилетие в психолингвистике усилилось противостояние между классическим когнитивным и коннекционистским подходами к пониманию закономерностей функционирования человеческого мозга. В классическом когнитивном подходе процесс понимания рассматривается как тип обработки данных, который содержит операции над символами. В качестве символа выступает ментальная репрезентация, являющаяся носителем смысла. Операции над символами – их структурирование и комбинирование.

Сторонники коннекционистских сетей тоже оперируют понятием ментальной репрезентации, которая не имеет символической функции и выступает в роли лишнего содержания субсимвола. Основными же понятиями являются вход сигнала (input), внутренние состояния единиц, образующие сеть (internal states), выходов сигнала (output) и моделей соединения единиц в сеть (pattern of connectivity)

Автор подробнее останавливается на представлении ментальной репрезентации в коннекционистском подходе и делает вывод, что коннекционистские сети состоят из репрезентаций, лишенных своего содержания.

Далее автор развернуто обсуждает сильные и слабые стороны обоих подходов при исследовании проекции художественного текста и приводит некоторый набор литературы по данной проблематике.

Автор статьи описывает пилотажный эксперимент, проведенный по методике медленного чтения, для верификации выдвинутой гипотезы. В ходе анализа результатов были выделены ключевые слова и установлены динамические системы, в которые они складываются. В основе анализа лежала идея схемного (фреймного) представления психологических единиц.

Анализ экспериментального материала позволяет автору сделать вывод, что развитие проекции текста протекает через реализацию стандартных ассоциаций ключевого слова, выступающего в качестве опорного элемента понимания. По мнению автора, психологическая структура значения слова отражена в ассоциативном словаре как дистрибуция ассоциаций, и в сознании конкретного носителя языка может не существовать в

форме зафиксированных в словаре концептов, за исключением, предположительно, некоторой ядерной части этой структуры.

Т.Ю.Сазонова в своей статье “Скрытые механизмы речевой коммуникации: модели и процессы”, обращая внимание на сложность изучения процессов идентификации слова как достояния индивида и средства доступа к его единой информационной базе – памяти, делает попытку проследить тенденции развития взгляда на эту проблему в психолингвистике, психологии памяти, когнитивной психологии.

Для психолингвистики интерес представляют модели памяти, которые отражают временное измерение и учитывают характер обработки информации. Память при этом рассматривается как обширная взаимосвязанная сеть. Активация какой-то части этой сети выше определенного порогового уровня выводит связанные с ней образы и представления на уровень актуального сознания. Обработка новой информации предполагает создание схем нейронной активности, потенциально готовых к формированию новых следов долговременной памяти.

Автор отмечает, что в современной психолингвистике разрабатывается интерактивный подход к лексикону и его функционированию. Общим положением этих разработок является интеракция концептуальных знаний и информации о форме стимула при поиске ментальной репрезентации слова.

Однако Т.Ю.Сазонова полемизирует с утверждением, что ключевым звеном в решении проблемы обработки языка являются не знания, а характеристики конкретных носителей языка, не подлежащие стереотипизации: целеполагание, формирование и удовлетворение потребностей и т.п.

Е.Н.Колодкина в своей статье “Психолингвистическое исследование признаков структур” поднимает проблему собственно термина “признак”. Автор статьи приводит обзор литературы, иллюстрирующей возникновение этого термина под влиянием структурной семантики и компонентного анализа и его развитие под влиянием прототипной семантики и новых взглядов на категоризацию мира человеком. Далее автор, опираясь на англоязычные источники, описывает современное состояние термина. Е.Н.Колодкиной интересным представляется новый – интегративный – подход к фреймовой организации знаний в

сознании человека, наиболее соответствующий разделяемой автором модели внутреннего лексикона, предложенной А.А.Залевской. Колодкина разделяет утверждение последней о том, что, идентифицируя слово, человек соотносит его со всей многообразной информацией, которая стоит за словом в идеолексиконе.

Рабочая гипотеза исследования автора статьи состоит в том, что *attributes* с набором однотипных *values*, предлагаемые в качестве базовой репрезентационной структуры, соотносятся с идентификационными стратегиями в концепции А.А.Залевской и ее коллег. Для верификации этого Колодкина провела экспериментальное исследование двухъярусных единиц лексикона. Эти единицы признаются равными идентификационным стратегиям, реализуемым через коннотативные ассоциации. При этом идентификационная модель соотносима *attribute*, а ассоциативная(ые) реакция(и) – с *value*.

Материалом эксперимента Колодкиной послужили десять слов-ойконимов, среди полученных ассоциативных реакций были выделены 15 стратегий, из которых 13 являются признаковыми, обнаружены также наиболее репрезентативные модели идентификации индивидуального смысла слова через его признак.

При помощи еще двух экспериментов того же типа автор продемонстрировал таксономическую структуру идентификационных моделей. Предположение Е.Н.Колодкиной о возможности трактовки идентификационных моделей в терминах *attributes* и *value* подтвердилось.

Н.В.Пашковская в статье “Национально-культурная специфика адекватных сравнений английского и русского языков” предлагает сопоставительный анализ эталонов сравнения в английском и русском языках. Способ исследования – анкетный опрос, материал исследования – адекватные сравнения – они прямо называют эталон качества.

Для эксперимента были отобраны прилагательные разных семантических групп, наиболее часто встречающиеся в словарях английских сравнений и их соответствия в русском языке. В задачи автора входило следующее: выявить устойчивые параллельные сравнения в русском и английском языке и объяснить причины совпадения эталонов; выявить эталоны сравнения, частотные для

одного языка и не встречающиеся в другом, определить роль экстралингвистического фактора в данном случае; рассмотреть индивидуальные сравнения, содержащие национально-культурный компонент.

Далее автор приводит подробное описание процедуры и результатов эксперимента, иллюстрируя его примерами из анкет испытуемых параллельно на двух языках.

В заключение статьи Н.В.Пашковская делает вывод, что эксперимент позволил выявить устойчивые параллельные сравнения в русском и английском языках и проследить некоторые причины совпадения эталонов сравнения: общность явлений окружающего мира, общность оценок, представлений, фоновых знаний. Но такие сравнения составляют лишь небольшой процент. Остальные сравнения не имеют параллелей в другом языке в силу не только языковых, но и экстралингвистических причин. Эксперимент в целом подтвердил наблюдение о способности эталона сравнения отражать как окружающий мир, так и внутренний мир человека.

С. И.Тогоева в своей статье “Новое слово – новое знание в коммуникативной и инновационной деятельности человека функционирования значения нового слова в языке и связи неологизма с проблемой появления нового знания.

Понятие “новизна” является универсальным и базовым для любой отрасли науки, любой сферы деятельности человека. С помощью “нового” слова/знака происходит освоение новых знаний, создание новой реальности и новых образных систем.

Автор статьи приводит словарное определение понятия “неологизм”, где подчеркивается, что существование неологизмов объясняется социальной потребностью в “именовании всего нового и его осмыслении”.

“Психологическая структура значения нового слова включает кроме параметров конкретности, образности, эмоциональности, специфическое соотношение параметров “необычности” и “неизвестности” (рабочее название), что и вызывает определенный коммуникативный барьер в осмыслении новой информации”(с. 116).

Автор статьи отмечает необходимость развития у обучаемых иностранному языку способности коммуникации, управлению

деятельностью по получению выводного знания, активному поиску и прогнозированию идей, способности самостоятельно решать проблемы. Автором статьи было проведено экспериментальное исследование понимания слов-неологизмов английского языка, основной задачей которого было выявление особенностей восприятия и освоения испытуемыми новых слов изучаемого иностранного языка.

Далее С. И.Тогоева приводит подробное описание результатов эксперимента и иллюстрирует использованные тактики примерами реакций испытуемых.

Автор отмечает, что специфической особенностью экспериментов с новыми для носителей языка словами родного или иностранного языка является стимулирование творческой и образной системы языковой способности человека и обозначает перспективы развития исследований по данной проблематике.

В своей статье "Динамика смыслообразования в художественных текстах" Н.Л.Галеева утверждает, что основания для бытования художественного текста в культуре различны. "Нахождение в культуре самых ранних из известных текстов определяется...их возрастом и историческими обстоятельствами – получением из них исторической информации, образцов исторического текстопостроения и норм языка, а не их собственно художественными достоинствами" (с. 152). Автор иллюстрирует это утверждение, приводя пример "Кентерберийских рассказов". Перевод на современный английский язык лишает текст одного из главных художественных достоинств, существенных для нашего времени – смысла "историчность".

Автор отмечает постоянно возникающий вопрос о том, что считать критерием художественности и как его определять. Н.Л.Галеева приводит несколько точек зрения. В частности, художественными предлагалось считать тексты, в которых мера актуализации превышает меру автоматизации, тексты с повышенной мерой нарушения экспектации, тексты с повышенной мерой стилистических приемов и многие другие. Но наличие или отсутствие формального приема (поскольку актуализация, экспектация могут рассматриваться не как элементы содержательности, а как приемы) не гарантирует культурной и художественной значимости текста... Очевидно, что

художественность как эстетическая категория должна быть присуща совершенно определенному типу текстов, также традиционно называемых “художественными”, однако, поскольку мера художественности многих из этих текстов в действительности невелика, правильнее было бы назвать всю совокупность таких текстов беллетристическими.

При этом под “художественностью” целесообразно понимать не совокупность некоторых формальных критериев, а меру содержательности текста. Под содержательностью понимается сумма содержания и смыслов текста. Содержание представляет собой линейную последовательность значений, а смысл — это конфигурация связей и отношений между разными элементами ситуации деятельности и коммуникации, которая создается или восстанавливается человеком, понимающим текст сообщения.

Автор статьи отмечает, что смыслом свойственно переходить в значения, а значения — это тот массив культуры, который уже некогда был освоен человечеством и хранится в словарях, справочниках, “концептуальной системе языка”, его тезаурусе.

Автор статьи отмечает, что более ранние из известных текстов характеризуются построением по упрощенной содержательной программе и состоят из содержания, возможно перешедшего из смыслов (вид “содержание + смысл”; “карнавальность”, “трагичность”). Но уже и в текстах этого времени имеются и такие, которые используют передовые способы смыслообразования и вводят в культуру своего времени задолго до их массового появления тексты с усложненной программой смыслообразования (Шекспир, например, используют смысловую мозаику и даже интерваольность в некоторой степени). В дальнейшем, для того чтобы быть культурнозначимой, смысловая программа должна усложняться, “писатель должен опредметить содержательность, включающую “содержание + некоторая конфигурация смыслов”. Такой способ смыслообразования назван М.С. Бахтиным “полифоническим”, он характеризуется множественностью равноправных “голосов” смыслов), их обращенностью друг к другу и к другому, т.е. к реципиенту. В современной литературе происходит становление текстопостроения с интервальным способом смыслообразования, причем этот способ редко встречается в чистом виде, чаще

комбинируется с другими, преимущественно с полифонической организацией текста.

Автор статьи утверждает, что предложенная ей гипотеза динамики смыслообразования в художественных текстах позволяет прояснить много важных филологических проблем. В частности, необходимо освоить переход от одной содержательной программы к другой — этому целесообразно учиться на классических текстах, т.е. на текстах, задававших передовую программу смыслообразования для своего времени. Из этих соображений становится ясной роль классической литературы, которая кажется иногда некоторым самоуверенным читателям тематически и смыслообразующе несвоевременной, — она должна задавать реципиентам некую точку отсчета, образцы смыслообразования и развивать рефлексивные навыки.

Автор завершает статью заявлением об опасности “массовой культуры” — текстов, построенных по программе исключительно содержания. “Массовый реципиент” может прожить всю жизнь, не подозревая, что мыследействующее человечество освоило более сложные способы смыслообразования, в том числе и в нехудожественной сфере мыследеятельности. Такое частное “недопонимание” препятствует развитию свободного сознания человечества в целом.

С.Ю.Перфильева

99.02.014. СЕДОВ К.Ф. СТРУКТУРА УСТНОГО ДИСКУРСА И СТАНОВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ГРАММАТИЧЕСКИЙ И ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ / Ин-т рус. яз. и рус. лит. при филол. фак. Саратов. гос. ун-та им. Н.Г.Чернышевского. — Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. — III с. — Библиогр.: с. 99-109.

Монография состоит из предисловия, трех глав (I. “Подходы к изучению структуры устного дискурса в связи с онтогенезом языковой личности”; II. “Грамматический аспект становления структуры устного дискурса в онтогенезе”; III. “Прагмалингвистический аспект становления структуры устного дискурса в онтогенезе”) и заключения. В книге рассматриваются особенности эволюции дискурсивного мышления человека, перешагнувшего рубеж самонаучения языку как многоуровневой системе. Объектом

исследования являются устные спонтанные речевые произведения детей школьного возраста, анализ которых проводится в рамках синтаксиса и прагматики текста.

Автор подчеркивает, что речь школьников оказалась вне интересов лингвистики. Среди языковедов существует “устойчивое заблуждение в том, что “чистая” наука не может иметь к школе какого-либо отношения и что речь учащихся – прерогатива мегодистов-практиков” (с. 3). Кроме того, еще одна причина отсутствия исследовательского интереса к данной проблеме кроется в объективном состоянии самой лингвистики детской речи. Традиционное лингвоцентрическое направление, долгое время доминировавшее в отечественном языковедении, ставило своей основной задачей имманентное описание языковой структуры. Исследование речевого онтогенеза в рамках указанного подхода сводилась к рассмотрению процесса овладения ребенком единицами разных уровней этой структуры. Однако такое овладение в целом завершается к началу школьного детства. После этого принципиально новое в отношении языка как системы выявить в речи ребенка очень трудно. Дальнейшее развитие языковой компетенции идет по пути совершенствования речевой деятельности и речевого поведения. И здесь традиционная лингвистика оказывалась бессильной.

“Эволюция языковой, личности есть постоянное движение, поступательное по преимуществу (но способное к деградации), которое продолжается в течение всей жизни человека. При этом, разумеется, данный процесс нельзя представлять как однолинейное и равномерное развитие. Различные периоды речевой биографии личности имеют свои кризисы и доминанты” (с. 8) Первые год жизни проходит под знаком невербального общения. Когнитивное развитие этой поры жизни ребенка идет в русле сенсомоторного интеллекта. Коммуникативное развитие младенца здесь зависит от решения важной задачи: как двигательные и голосовые физиологические реакции превратить в средства общения с окружающим миром

Годовалый ребенок затем вступает на путь самонаучения языку, в начале опираясь на подражание. Но одновременно с подражанием в развитии языковой личности появляется новый мотив – стремление постичь смысл, приобщиться к значению слов.

В своем строительстве собственного языка ребенок ориентирован на общение со взрослыми. Однако, черпая из речи окружающих для строительства собственной коммуникативной структуры языковой материал, он использует свои речевые впечатления творчески. Прислушиваясь к речи взрослых, ребенок открывает в ней законы образования новых слов, выделяя словообразовательные сверхмодели. С их помощью он начинает активно пополнять свой словарь. Он как бы пробует на вкус возможности языковой системы, порой в своем словотворчестве выходя за пределы ее возможностей; ср. "Петя молодец, а я ещё молодее" – попытка образовать степень сравнения от имени существительного. В связи с этим автор замечает, что некоторые специфические явления детской грамматики, нарушающие закономерности языковой системы, способны указать на недостатки этой системы и наметить перспективы ее развития.

К 5-6-летнему возрасту человек становится обладателем языкового механизма, своего рода персонального компьютера, который открывает перед ним новые когнитивно-коммуникативные возможности. Однако, имея языковой механизм, ребенок еще не обладает навыками использования его в речевой, деятельности. Использовать язык ребенок учится в повседневном общении, в каждодневной речевой практике, которая состоит из порождения и смыслового восприятия многочисленных речевых произведений. Овладение говорящим законами использования языка в общении автор сравнивает с обучением человека плаванию путем погружения в воду открытого водоема. "Именно текст (дискурс) становится центральным объектом и целью развития языковой личности после достижения ею шестилетнего возраста" (с. 10).

В обобщенном виде процесс речевого становления ребенка в работе представлен следующим образом. С приводом в школу становящаяся личность еще не владеет навыками построения связанных целостных текстов. В языковом отражении реальной действительности младшеклассник еще не может абстрагироваться от изображаемой ситуации. Ребенок этого возраста строит дискурс так, будто сам он вместе со слушателем созерцает описываемые события. Поэтому дискурс представляет собой набор не связанных друг с другом предложений или незаконченных сверхфразовых единств, которые при помощи дейксисов обращены к изображаемой

действительности, т.е. говорящий как бы указывает на возникающие в его сознании предметы. В моделировании реальности младший школьник не пытается намечать пространственно-временные координаты континуума, не дает описаний и характеристик объектов повествования. Если же таким объектом становится другой человек, то говорящий предпочитает изображать действия, совершаемые героем повествования, а не его речь. В подобном моделировании действительности он стремится не столько рассказать о каких-либо событиях, сколько показать их, используя иконические средства репрезентации. Строя свою речь, он практически не ограничивает свою апперцептивную базу от апперцептивной базы слушателя.

На протяжении всего младшего школьного периода развития языковой личности человека происходит преодоление ситуативности его дискурсивного поведения. К подростковому возрасту школьник уже полностью овладевает основными способами построения речи контекстной: предложения, составляющие его дискурсы, теперь уже связаны с предшествующим текстом, а не с изображаемой в тексте ситуацией. Устные речевые произведения младших подростков достаточно четко членятся на композиционно завершенные сверхфразовые единства, скрепленные грамматическими и лексико-семантическими повторами. Главное, на чем держится единство создаваемого в тексте мира, – это объекты референции (как правило, герои повествования). Их изображение строится с учетом особенностей, апперцептивное базы адресата речи, с одной стороны, а с другой – предметы, входящие в моделируемую действительность, подаются теперь через призму объективного анализа их таксономических свойств. Увеличение внимания к языковому описанию другого человека приводит к расширению диапазона средств передачи чужого слова: одновременно с повышением объема чужой речи в тексте дискурсы подростков включают в себя и разные не прямые формы передачи высказывания, которые требуют перекодировки исходной информации – косвенную и тематическую речь. Иконические средства изображения действительности по-прежнему используются в речи средних школьников, однако теперь они приобретают по преимуществу экспрессивно-стилистическую функцию.

Становление дискурсивного мышления в рамках подросткового возраста идет в направлении все большей прагматизации устной речи: увеличению в структуре дискурса роли авторского присутствия и возрастанию потенциала перцепции. Проявляется это главным образом в том, что действительность, моделируемая в речевом произведении, становится не столько объектом изображения, сколько объектом вербальной рефлексии. При этом сами принципы построения модели мира в речевом произведении совершенствуются: целостность текста здесь уже основана не только на описании объектов референции, о и на создаваемом языковыми средствами пространственно-временном континууме. Углубление аналитического изображения объектов действительности приводит к тому, что структура устного спонтанного дискурса строится по принципу "текст в тексте": моделируемая в рамках сюжетного повествования реальность подается в окружении метатекстового комментария, содержащего, кроме объективного анализа, еще и субъективно-авторскую оценку. Это проявляется наиболее отчетливо в принципах изображения другого человека и его слова. Рассказ о поступках действующих лиц в речи старшеклассников сопровождается анализом мотивов поведения. Для этой цели часто изображается внутреннее слово героя, поданное через призму авторского понимания. В целом дискурс несет в себе отчетливо выраженную заботу говорящего об адекватном понимании текста слушателем.

А. М. Кузнецов

ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

99.02.015. КОЛЕГОВ А. В. ГРАММАТИКА ЯЗЫКА-ПОСРЕДНИКА ЭЛЬЮНДИ. — Тирасполь: РИО ПГУ, 1998. — 220 с.

В предисловий говорится, что работа является плодом более чем 20-летнего труда. Идея создания международного языка на кодовой основе возникла в 1973 г., когда автор (по образованию инженер-экономист) работал проектировщиком АСУ. В процессе разработки языка было создано несколько его проектов, каждый из которых подвергался аналитическому разрушению, чтобы выявить незыблемые элементы, из которых создавался новый язык.

В октябре 1995 г. руководство Приднестровского государственного университета им. Т.Г.Шевченко поддержало проект и предоставило автору возможность для его публикации.

Словарь на 10-15 тыс. слов имеется в рукописи в черновом варианте. Автор надеется продолжить работу над ним. Предложенную лексику (комбинаторные образования слов) следует рассматривать лишь как эскизную. Теории проектирования языка-посредника не существует, и автору приходилось искать решения наощупь, неоднократно видоизменяя принятое.

Во введении говорится, что глобальная экспансия вычислительной техники во все сферы человеческой деятельности и ее стремительное развитие обусловили необходимость создания информационных машин, способных переводить с одного языка на другой через язык-посредник. Открытая всеязычная информационная система, охватывающая своей сетью все страны, будет представлять собой не просто хранилище всех общечеловеческих знаний, а станет активным всеобщим человеко-машинным мозговым трестом, который может найти и сообщить всю нужную информацию в нужный момент. В техническом плане препятствий для создания такой системы нет, проблема лишь в создании самого языка-посредника.

Идея Лейбница о получении сложных понятий посредством комбинации простых в современную эпоху возродилась в теории компонентного анализа, стремящегося разложить значения слов на "семантические множители" (семы). В создании языка эльюнди использовались те же принципы, а именно: слова "расщеплялись" на семы, далее семы фиксировались в виде морфемы (корня) и сортировались, затем происходило сжатие корневой (морфемной) базы и в конечном итоге "выкристаллизовывались" смысловые элементы, из которых образуются все слова языка эльюнди.

В качестве основных графем принимаются специально созданные знаки (квазицифры), которые соответствуют цифрам. Цифровая природа языка определяет его нейтральность по отношению к этническим языкам и совместимость с ними, что является весьма важным фактором для всеобщего языка-посредника. Жизнеспособность языка эльюнди обеспечивается его многофункциональностью. Это вспомогательный язык международного общения, язык общения с информационными

машинами и межмашинного общения, язык-посредник многоязычной системы машинного перевода и язык-хранитель общечеловеческих знаний в информационных системах.

В 1980 г. был создан вариант языка с 900 корнями. Для выбора них корней были использованы словари эсперанто и некоторых этнических языков. Принимались во внимание и частотные словари. Искались не корни, а смысловые (корневые) элементы. Конкретный язык в этом случае не имеет существенного значения, так как важен смысл слова, а не его знаковое обозначение в том или ином этническом языке. Например, разложим на смысловые элементы слово *парусник*:

парусник = парус + аппарат

парус = ветер + вместилище

ветер = движение + воздух

парусник = движение + воздух + вместилище + аппарат

В языке эльюнди слово *парусник* произносится [лавикино-ето], где [ла] указывает на имя существительное единственного числа, [ви] - движение, [ки] - воздух, [но] - вместилище, [ето] - аппарат.

При создании словаря выяснилось, что благодаря весьма эффективному аппарату словообразования эльюнди менее продуктивные корни 900-корневой базы можно исключить и отсутствие их компенсировать более продуктивными корнями. В результате была образована 200-корневая база, на основе которой, используя неисчерпаемые комбинаторные возможности аппарата словообразования, можно было получить любое известное или наперед заданное слово. Правда, при этом грамматика (морфология и синтаксис) эльюнди, которая создавалась на основе грамматики эсперанто, усложнилась, что было обусловлено сжатием корневой базы. Тем не менее, знания основ элементарной грамматики (школьного курса грамматики родного и иностранного языков) достаточно для самостоятельного изучения языка эльюнди.

Собственно, в словообразовании (корнеобразовании) и в системе фонетизации заключаются основные отличия языка эльюнди от этнических языков. В остальном – прямые аналогии. Система фонетизации – позиционно-слоговая: одна и та же графема фонетизируется по-разному в зависимости от ее позиции. Позиционная система фонетизации используется всеми языками в произношении чисел. В языке эльюнди в общем соблюдается

принцип регулярности: как морфология, так и синтаксис исключений из правил не имеют.

При ознакомлении с проектом следует помнить, что пользователем языка является также и компьютер, у которого нет принципа "само-собой-разумеемости" и который может работать только с тем, что алгоритмически (программно) определяемо. Поэтому в проект введены дополнительные средства, способные усиливать (контрастировать) смысл, фиксировать однозначность и пр.

Далее в книге последовательно описываются графика и фонетика, числа и математические записи, морфология, фразеологические единицы, классы слов (существительное, числительное, прилагательное, глагол), синтаксис, интонация и ритмомелодика, предложение, стили языка эльюнди, знаки препинания В "Послесловии" приводятся слова И.А.Бодуэна де Куртенэ "...Судьба всех изобретений одинакова: они совершенствуются несмотря на насмешки и презрительное третирование со стороны невежественных людей. Стремление к распространению и развитию идеи международного языка является благодетельской реакцией против овладевшего всеми человеконенавистничества".

Ю.Н.Марчук

99.02.016. ХРЕБИЧЕК Л. УРОВНИ ТЕКСТА: Языковые конструкты, составляющие и закон Менцерата-Альтмана.

HREBICEC L. Text levels: Language constructs, constituents a. the Menzerath-Altmann law. – Trier: WVT Wiss. Verl., 1995. – [8], 162 p.

Книга имеет шесть основных разделов (глав), которым предшествуют предисловие и небольшая аннотация, содержащая описание основных выводов книги, приложения статистических данных и предметный указатель.

В предисловии говорится, что лингвистические эксперименты над текстами основаны на достаточно абстрактно сформулированных моделях. Эти модели являются попытками интерпретации закона Менцерата-Альтмана с целью продемонстрировать глубину и диапазон применимости этого закона. Модели применены к исследованию турецких текстов, тем

самым определены некоторые общие свойства этих текстов. Работа была проведена в Институте Востока Академии наук в Праге

В аннотации "Главные проблемы и утверждения" говорится, что количественная лингвистика может дополнить описания и структурный анализ произведенные авторами, работающими в области лингвистики текста, теоремами- дающими возможность проверить данные и обеспечить более эффективные доказательства. Закон Менцерата-Альтмана, который гласит: "Чем длиннее лингвистическая конструкция, тем короче ее компоненты", может также быть применен к уровням текста, высшим, чем предложение. Этот закон в определенной мере являясь универсальным и может служить в качестве меры для любого уровня языка. Семантическая структура текста может быть измерена посредством так называемого фразового агрегата (sentence aggregate), который также определяется на основе закона Менцерата-Альтмана. Такой агрегат включает все предложения данного текста, в которых встречается определенная лексическая единица (неважно, интерпретированная семантически или нет). Синергетика (взаимодействие многих подсистем внутри системы), которая характеризует стохастичность языковых подсистем, также может быть описана с помощью указанного закона. Вероятно, закон Менцерата-Альтмана является главным принципом саморегулирования в языках.

Текст и его производитель/получатель. Текст в общем смысле, взятый как лингвистический конструкт вне связи с коммуникатором. Представляет собой весьма неопределенную сущность. Бессмысленно рассматривать текст вне связи с человеком, который вступает с ним в контакт и определяет его *текстуру*.

Семантическая система представляет собой феномен, содержащийся в мозгу каждого индивида. Эта гипотеза противостоит обычному пониманию семантической системы как некоторого абстрактного феномена, воплощенного в естественных языках. В результате такого понимания сам язык становится абстрактным феноменом, который нельзя анализировать с помощью эмпирических наук. Такая позиция отрицает коммуникативную функцию языков Однако любой естественный язык вместе с передачей коммуникативной информации сообщает также и информацию о своем строении.

Текстовые конструкты и ассоциации слов являются двумя параллельными последовательностями определенного порядка, присущими каждой индивидуальной соматической системе. Текст является конструктом агрегатов. Предложения функционируют как составляющие семантических структур, называемых фразовыми агрегатами. Можно предполагать, что такие же структуры функционируют в качестве составляющих конструктов более высокого порядка, каковым является текст. Структура языковых уровней может быть интерпретирована с точки зрения математической теории коммуникации. Текст является увеличивающейся сущностью. Когда одно или несколько предложений прибавляются к уже существующему тексту его производителем, то возникает модифицированный или новый текст, составляющими которого являются его предшествующие части в смысле закона Менцера-Альтмана.

Во вводной части книги (первая глава) говорится, что она посвящена лингвистическому исследованию текста. Этот феномен понимается как сегмент дискурса. Он анализируется и интерпретируется в определенных стандартных условиях когнитивного подхода. Этот подход часто определяется как наука. При этом упор делается на синергетическую трактовку наблюдаемых структур.

Что значит "текст"? Не существует универсального определения этого концепта. Тем не менее, все понимают его и этот термин широко используется как лингвистами, так и юристами в одном и том же смысле. Поэтому нам не надо как-то особенно определять текст, но необходимо ввести определенные ограничения на этот феномен, чтобы, например, отличать текст от других языковых последовательностей, таких как списки, подписи к картинам, таблицы и пр. Текст здесь означает некоторый связный и продолженный конструкт в естественном языке. Мы не изучаем разорванные или дефектные тексты. Если анализируется часть текста, то она всегда может быть продолжена. Текст есть лингвистический феномен, характеризующийся продолжительностью.

Общепринято, что текст есть сложный феномен. Для понимания сложных феноменов люди обычно расчленяют их на части и затем пытаются понять их гносеологически: части

представляются им более простыми, чем первоначальное целое. Иногда эта идея работает. Любая часть от целого наблюдается легче. Однако разделение на части вызывает проблему понимания. Как нужно проводить разделение на части, чтобы не нарушить существование в целом? Какая идея должна лежать в основании принципа деления? Если нет ответа на эти вопросы, то понимание целого может быть затруднено.

История филологии насчитывает тысячи лет. В течение этой истории текст был всегда на периферии научного исследования. Причина этого ясна: текст – очень сложное явление, и поэтому только его части или составляющие являются центром внимания лингвистики. Фонемы, слова и их форманты, синтагмы и, наконец, предложения являются самыми крупными единицами филологического и лингвистического исследования. А языковые составляющие более высокого уровня, такие как части текста, а также и сам текст, оставались в тени.

В этой связи интересно одно обстоятельство. Низшие единицы, такие как фонемы, морфемы, слоги и простые предложения объяснялись как с точки зрения их собственных составляющих, так и с позиции их вышестоящих единиц. Конечной единицей оставалось предложение. Иногда в не-теоретических построениях появлялось понятие контекста. Предложение рассматривалось как синтаксическая единица, т.е. с точки зрения его внутренних свойств, а не как результат членения текста. Текст представлялся в виде последовательности предложений, а сами предложения были как бы бусинки в ожерелье. Конечно, такие науки, как стилистика, текстология, поэзия или литературная критика работали с понятием текста, однако они не были в состоянии рассматривать текст как лингвистическую единицу.

За последние десять лет появилась новая наука – *лингвистика текста*. Теперь понятие текста находится в центре внимания. Важным концептом является “связность текста”. Это первая и наиболее существенная попытка лингвистики выйти за пределы предложения. Этот концепт показывает, что должны существовать какие-то средства, соединяющие последовательность предложений и таким образом формирующие следующий за предложением уровень. Следующим шагом в этом направлении были понятие *текста как единицы* (Хребичек, 1995).

Вторая глава, “Закон Менцерата-Альтмана на низших уровнях”, посвящена рассмотрению данного закона в его основной форме, примерам действия этого закона и измерениям величин, входящих в него. Третья глава (самая большая и подробная) “Агрегаты текста”, содержит описание уровней и подсистем языка и текста. Агрегатом или фразовым агрегатом называется набор предложений текста, в каждом из которых встречается определенное слово (лексическая единица), семантически интерпретированное. Под “семантически интерпретированным” понимается: а) принадлежащее к подмножеству лексических единиц, встречающихся в тексте и имеющих идентичное значение; б) принадлежащее к подмножеству взаимно различающихся лексических единиц. Таким образом, новый вокабуляр текста определяется как более или менее обличающийся от стандартного лексикона данного языка или от семантической интерпретации лексических единиц, осуществляемой другими пользователями языка. Относительно агрегатов может быть сформулирована следующая гипотеза: чем длиннее агрегат (в предложениях), тем короче средняя длина предложений (в словах). Это утверждение является модификацией закона Менцерата-Альтмана. Существование агрегатов заполняет структурный пробел между уровнем предложений и целым текстом. Можно утверждать, что за всю историю лингвистики не было найдено и проверено ни одной единицы языка, которая бы могла заполнить этот пробел. Единственным исключением из этого является идея связности текста В разбитом на предложения английском тексте (в скобках указано число слов в предложении).

1. The problem /../may perhaps be described as an aspect of the old quarrel between the English and the Continental schools of philosophy (15)
  2. which I wish to examine afresh in this lecture (7)
  3. and which I hope (4)
  4. not only to examine (3)
  5. but to solve (2)
 и т.д.

выделяются следующие агрегаты (слева – ключевые слова, справа – номера предложений в предыдущем анализе):

to be   1, 8,10,11, etc.

and 1, 3, 6 etc.
this 2, 7, 11, 16 etc.
и т.д.

Работа по выделению агрегатов была также проведена и на турецких текстах. Подчеркивается, что описанный феномен, т.е. дистрибуция агрегатов в текстах, как и любой другой лингвистический феномен, носит стохастический характер. Никакой научный и теоретический подход к языку не может игнорировать этот вероятностный аспект.

Что касается агрегатов в турецких текстах, то сначала наблюдались предложения. Обычным является определять предложение как такую часть текста, где есть предикативность. Это положение однако, не совсем ясно. В случае личных глаголов проблем нет. Предложение может быть выделено достаточно четко. Однако в определенных стилях, особенно в функциональном научном стиле, обычным является формировать необычайно длинные турецкие предложения с помощью неличных глагольных форм. Личный глагол в этих случаях появляется через весьма длинные интервалы. В таких ситуациях возникает проблема деления фразы на предложения и предложений на синтагмы.

Текст и его составляющие неразрывно связаны с семантической интерпретацией. Можно дать следующее определение текста:

Текст есть лингвистический конструкт, начало и конец существования которого определяется исключительно актом семантической интерпретации со стороны пользователя языком (производителя или получателя текста).

В четвертой главе, "Семантика и текст", рассматриваются следующие вопросы (каждому, соответствует параграф): лингвистика и человеческий мозг; семантическая система и ее устройство; ассоциации слов и агрегатов, дистрибуция агрегатов; предикация; семантическая спецификация агрегатов; агрегаты как конституэнты. Пятая глава, "Уровни как динамическая система", включает следующие вопросы: язык и теория фракций; цепочка уровней; наблюдаемые отношения уровней, глубина структуры текста; отношения и закон Херста.

Шестая глава, "Стратегия в тексте" состоит из следующих параграфов; длина предложений в стратегии текста; увеличение последовательного среднего; применение теории к тексту.

В книге также содержатся предложения по дальнейшему развитию предлагаемой методики, имеются предметный и именной указатели

Ю.Н.Марчук

99.02.017. ТУЛДАВА Ю. МЕТОДЫ В КВАНТИТАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.

TULDAVA J. Methods in quantitative linguistics /Pref. by Altmann G. – Trier: WVT Wiss. Verl., 1995. [5], 187 p. – (Quantitative linguistics; Vol. 54). – Библиогр. в конце ст.

В предисловии, написанном Альтманом, говорится, что Юхана Тулдаву, известного советского специалиста по квантитативным методам в лингвистике, уговорили отобрать самому из своих работ наиболее важные, по его мнению, труды для перевода и публикации за рубежом. Работы Тулдавы, в терминологии Альтмана, содержат все наиболее ценные идеи, которые можно найти в мусорной куче "советской" лингвистики. В книгу вошло десять статей, написанных в разное время и по разным поводам.

В статье "Некоторые замечания о методологии квантитативной лингвистики" говорится, что под методологией исследования понимается обычно упорядоченный набор или система методов, а также использование этого набора. С точки зрения научного знания и обобщений, конкретные практические методы исследования образуют уровень "техники и процедур". Это низший уровень иерархии, включающей более высокие уровни философии, общенаучного и научно-методологического подхода. Однако своих связей с высшими уровнями практические методы не теряют.

Анализ в квантитативной лингвистике, как и всякий другой системный анализ, характеризуется не специальным набором конкретных методов, но упорядоченным, логически обоснованным подходом к применению существующих методов, уже установившихся в других науках и дисциплинах (математика, лингвистика и пр.). Выбор и комбинация этих методов представляют собой чрезвычайную важность как на уровне

наблюдения и экспериментов, так и на уровне анализа и теоретического обобщения результатов.

В современных системных исследованиях наряду с так называемыми динамическими системами (с сильной регулярностью отношений и связями между элементами) важное место принадлежит также вероятностным системам, целостность и стабильность которых комбинируются со значительной автономией их частей. Параметры таких систем принадлежат разным уровням. Их можно разделить на два класса: случайные, или окказиональные, события (на низшем уровне) и регулярности в массе случайных событий (более высокий уровень).

Рассмотрение объектов исследования как вероятностных систем является теоретическим обоснованием для моделирования объектов посредством статистических распределений. Понятие распределения может быть определено в широком смысле как упорядоченное множество количественно описанных величин, результатов измерений, обычно с указанием их значения (частоты, вероятности, ранга и пр.). Для более глубокого понимания структуры распределений нужно ознакомиться с понятием измерения как источника формирования элементов, рассматриваемых в распределении.

Рассматривая пути развития науки, автор говорит, что в квантитативной лингвистике обычная для всякой науки смена старых парадигм и замена их новыми может происходить только в весьма узком смысле. Так, например, есть идея полностью отрицать закон Ципфа с заменой его совершенно новым подходом к распределению лексики. Некоторым образом концепт изменения парадигм связан с теорией принятия решений. Весьма важно то, что лингвистические проблемы, как и многие другие, когда их пытаются решить математическими методами, дают большое количество альтернатив. Очень часто самые разные функции могут служить в качестве математических моделей исследования, и предпочтение той или иной модели, если они одинаково соответствуют эмпирическим данным, зависит от содержательного анализа проблемы.

Вторая статья, "О причинных отношениях в языке", посвящена проблеме вероятностно-статистического моделирования причинных отношений. Определение причинных отношений между

явлениями всегда связано с некоторыми концептуальными системами. Автор исходит из вероятностного понимания причинности, в соответствии с которым причинность есть нечто, что может присутствовать в большей или меньшей степени, а не только быть или не быть. В этом подходе подразумевается, что некоторое явление может быть причиной другого, если появление первого (X) с высокой степенью вероятности вызывает появление другого (Y), причем в символической форме вероятность $P(X) > 0$ и $P(Y/X) > P(Y)$. Рассмотрев разные способы корреляции статистических распределений языковых явлений, автор делает следующие выводы: анализируя причинные отношения в языке, целесообразно применять вероятностный (стохастический) подход, который соответствует квантитативно-системному анализу языка. Главными методами исследования причинных отношений следует считать корреляционный и регрессивный анализ; для исследования сложных отношений между языковыми явлениями можно применять метод частичной корреляции; проблема отношения "причина-следствие" (направленность связи) решается в каждом конкретном случае содержательным анализом; конструирование регрессивных моделей позволяет дать квантитативное описание глубинных связей между явлениями. Суммируя конкретные результаты исследования, автор приходит к концепции определенного механизма "аллометрических" отношений между лингвистическими характеристиками, когда коэффициент связи между двумя увеличениями является величиной постоянной. Аллометрический рост является универсальным законом, который тесно связан с понятием оптимальности.

В статье "О лексической связи текстов" ставится вопрос о возможных методах оценки и измерения лексических связей (близости, подобия) текстов на уровне словаря, вокабуляра, без учета частотности слов в текстах. Необходимость оценки и измерения лексической связи текстов возникает в статистическом исследовании индивидуальных стилей или литературных жанров, при сравнении частотных списков слов, решении проблем автоматической классификации текстов и т.п. В данной работе рассматривается вопрос о сопоставлении двух текстов на основе списка слов этих текстов. Можно сравнивать списки словоформ или списки лексем, а также классы слов, в зависимости от задачи

исследования. Для иллюстрации метода сравниваются списки односложных слов (с одним слогом) русского языка, взятых из одного и того же текста, но в различных контекстах: в монологе автора и из прямой речи героев романа Бориса Полевого "На тихом берегу". Методика продолжается разработкой в следующей статье сборника: "Статистический метод сравнения лексического состава двух текстов". В ней говорится, что есть два подхода к сравнению вокабуляров двух текстов. В первом случае близость или отдаленность текстов в аспекте их лексической композиции измеряется с учетом степени совпадения их словников или корреляции между частотами дистрибуции слов. Второй подход характеризуется совершенно иным взглядом на связь или корреляцию между вокабулярами. Исследователь опирается на предположения о распределении вероятностей слов в некотором "совместном" тексте, по методике, предложенной С. Миллером. При этом необходим эксперимент по комбинированию двух вокабуляров в некоторое единство с учетом частотности слов в каждом из вокабуляров.

Статья "Об отношении между длиной текста и размером вокабуляра" посвящена проблеме, имеющей большое значение для практических задач квантитативной лингвистики, например, для определения объема выборки, необходимой для установления данной степени наполнения словаря или для определения стилостатистических характеристик индивидуального или функционального стилей. Эта проблема также связана с теоретическим объяснением некоторых важных аспектов порождения текста. На конструирование математических моделей, выражающих зависимость размера вокабуляра от размера текста, потрачено большое количество усилий. Некоторые исследователи пытались вывести соответствующие формулы из теоретических соображений, опираясь, например, на логнормальное распределение слов в тексте, или же используя аксиоматические определения естественных комбинаторных распределений. В настоящей работе проблема рассматривается с несколько иной точки зрения, с целью предложить простую модель для практического использования, которая строится в предположении, что определенные этапы (стадии) в порождении текста характеризуются регулярными зависимостями между длиной текста

и вокабуляром. Таким образом, искомая зависимость связывается с порождением (генерацией) текста.

Другие статьи книги: “Об измерении корреляции между количественными характеристиками в лингвистике: постоянство альтернативных величин”; “Попытка количественного анализа стиля художественных произведений”; “Сравнение субъективных и объективных характеристик стиля”; “Коэффициент отношения словоформ и лексем в тексте”, “Количественный анализ системы фонем эстонского языка”.

Ю.Н.Марчук

99.02.018. СТАТЬИ ПО ПРОБЛЕМАМ СОЗДАНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (Обзор).

Невербальная коммуникация всегда была составной частью художественных текстов любого жанра, осознавали это сами авторы или нет. Невербальные способы коммуникации находят отражение в фильмах, телевидении как таковом, при любом межличностном контакте.

Для успешного описания, каким образом происходит коммуникация на невербальном уровне, необходимо конкретизировать, что понимается под этим термином.

Фернандо Поятос (“Аспекты, проблемы и передача невербальной коммуникации в художественном переводе”) (1) предлагает определить невербальную коммуникацию как “отражение” действительности всеми доступными нелексическими, созданными человеком средствами, содержащимися в культуре, при этом средства могут носить индивидуальный характер или коллективный”.

Поятос отмечает, что повышенный интерес к проблемам невербальной коммуникации в рамках литературоведения наблюдается с середины 70-х годов XX в. Тогда же появляется термин “литературная антропология”. Это понятие предлагает рассматривать диахроническое и синхроническое изучение исторических и документарных компонентов в литературном произведении, которые составляют невербальную коммуникацию в рамках культуры. Перед исследователями в 90-е годы XX в. встала проблема трансляции невербальной коммуникации в художественном произведении, а шире - в культуре.

Современная переводческая наука ставит перед переводчиком задачи трансляции не только информационного аспекта текста, но и другие задачи, в частности, передать на другом языке то, что способствует восприятию читателя оригинала, т.е. то, что еще В.Г.Белинский назвал “духом” подлинника.

Известно, что в процессе перевода невербальные системы подвергаются значительным изменениям, и переводчик должен обладать высокой степенью интуиции, чтобы чувствовать, что происходит или не происходит при воссоздании оригинала на другом языке, так как перевод – это не только интерлингвистическая трансформация, но и межкультурная. И все же большинство переводчиков не осознают этого, т.е. работают интуитивно (что также может и зачастую приводит к хорошим результатам). Однако Ф.Поятос предлагает разработать научные критерии практики перевода.

Проанализируем, что происходит с оригинальным нарративом при трансляции его на другой язык, для того чтобы читатели, принадлежащие другой культуре, могли с ним ознакомиться. Прежде всего, следует отметить, что исследователь должен обратить свое внимание на составляющие уроки восприятия читателем оригинального текста. К этим составляющим относятся: сама книга, читатель и их окружение.

Восприятие каждым читателем одного и того же текста индивидуально. Оно зависит как от объективных, так и субъективных факторов.

К примеру, Ф.Поятос считает, что восприятие читателя зависит в том числе и от оформления книги, наличия в ней иллюстраций и каких именно, типа и цвета бумаги, на которой напечатан текст, от настроения, в котором находился читатель, когда приступил к чтению, от его самочувствия и многого другого.

Печатный текст в первую очередь воспринимается зрением, а затем “интеллектуализируется” в процессе личностного (т.е. социообразовательного), культурологического и ситуативного восприятия.

Ф.Поятос приходит к выводу, что необходимо описать, как происходит “акт чтения”, как воспринимается вербальная и невербальная репрезентация персонажей, их жизнь и окружающий их мир. Эта репрезентация представлена читателю визуально (на

странице отдельно взятого издания). Мы исходим из того, что средством общения между писателем и читателем выступает речь, сведенная к ее вербально/невербально визуальному отражению. Тогда следует заключить, что восприятие читателем одного и того же текста в разном визуальном отображении будет различаться. К объективным факторам, влияющим на восприятие читателя, автор данной статьи относит и расположение на странице речи персонажей и собственно авторскую речь (т.к. при переводе происходит неминуемо их смещение в пространственном отношении), а также пунктуационные знаки, определяющие читательское восприятие и интерпретацию описанных в тексте событий и обстоятельств.

Физиологические параметры зрения играют важную роль в восприятии информации, заложенной в тексте, поскольку первоначально восприятие текста происходит визуально, а затем интеллектуально.

Рассмотрим, какое значение имеет пунктуация при трансляции текста с одного языка на другой. Обратимся к конкретному примеру: в испанском языке восклицательные и вопросительные знаки располагаются в том числе и в начале предложения, к которому они относятся. Поэтому, в отличие от англоязычного читателя или русскоязычного, испаноязычный читатель имеет представление *a priori*, как была произнесена та или иная фраза. Пунктуационные знаки помогают читателям не только “услышать” но и “увидеть” персонажи в действии. При переводе испаноязычной литературы на другие языки и другие культуры переводчикам следует максимально приблизиться к культурологической ситуации в стране, на язык которой они переводят оригинал.

Пунктуация в целом призвана помочь читателю уловить интонацию персонажей, определить их эмоциональное состояние, понять отношение к ним повествователя. Переводчик, с одной стороны, выступает в качестве читателя (может быть, более подготовленного в силу своих профессиональных обязанностей), но с другой стороны, и в качестве соавтора, транслятора, медиума. Его задача состоит в том, чтобы помочь читателю (но не объяснить, не навязать свою интерпретацию происходящего) разобраться в событиях, описанных в произведении.

Англоязычный или русскоязычный читатель, в отличие от испаноязычного, вынужден прочитать фразу до конца для того, чтобы определить, как она была произнесена. Для того чтобы восприятие речи было максимально адекватно, русскоязычный писатель, к примеру, может сопроводить собственно авторскую речь оценочными модификаторами, цель которых состоит в том, чтобы ориентировать читателя на определенное восприятие. В испанском языке, например, это будет уже излишним. Испаноязычный писатель ориентируется на систему родного языка и на испаноязычного читателя, поэтому оценочные модификаторы не имеют в его произведениях большого распространения.

Далее, уже признанным фактом является то, что в любом языке существует определенная взаимосвязь между звуками и значениями, что также определяет восприятие читателем текста в целом.

В первую очередь все вышесказанное относится к воссозданию в оригинальном художественном произведении дискурса и проблемы его трансляции в инокультуру.

Сами писатели ощущают определенную искусственность при трансляции дискурса в произведениях и пытаются донести до читателя свои переживания. Дискурс, его функционирование и оформление, может быть конкретизирован благодаря наличию в тексте следующих спецификаторов:

А) элементарных первичных составляющих человеческой речи (к ним относятся тембр, резонанс, громкость, темп, тон, мелодичность/монотонность, ритм). При их воспроизведении в тексте произведения авторы прибегают к

а) вербальному описанию:

It must by nice to be famous', said the girl softly.

(Dreiser, T. Jennie Gerhardt)

б) паралингвистической транскрипции:

Fine ol'd lady – fi-ii-ne [...] Well, you'll have t'brace up an' be a comfort f' th' ol' mother.

(Crane, S. George's Mother)

В) определителей (Поятос понимает под ними контроль над дыханием, ровность речи, контроль над гортанными звуками, шепот, шипение, напряженность голоса, имитацию детской речи и т.д.). В произведении определители также могут быть представлены

а) вербальным описанием:

He [Gerald] said [...] at last, forcing the words from his lungs, in a voice so soft and low, it sounded like a dream within her, not spoken in the outer air.

(Lawrence, D.H. Sons and Lovers)

б) паралингвистической транскрипцией:

Marta (a snarl of dismissal and contempt) NYYYYYAAAАНННН!

(Albee. E. Who's Afraid of Virginia Woolf?)

дифференциаторов (паралингвистические и кинесические конструкторы, т.е. определители языка, характеризующие физиологические состояния и эмоциональные реакции, происходящие естественным образом; к ним относятся: смех, слезы, вздохи, удивление, печаль, страх и т.д.). В произведение они вводятся

а) вербальным описанием:

Joe gave a reproachful cough, as much as to say, "Well, I told you so".

(Dickens, Ch. Great Expectations)

б) паралингвистической транскрипцией:

"Ow-w-w-w!" shrieked Iren. 'Do stop!'

(Howells, W.D. The Rise of Silas Lapham)

С) альтернантов (похожие на слова сочетания из одного или нескольких звуков, составляющие "альтернативный" язык, имеющие в данном культурном контексте определенное значение, улавливаемое по крайней мере большинством, такие как:

шелканье языком, значимое молчание, носовые звуки, гортанные и т.д.). Могут быть представлены

а) вербальным описанием:

Jonathan made no answer to this; but his breath literally hissed through his clenched teeth.

(Grey, Z. The Last Trail)

б) паралингвистической транскрипцией:

Mrs. Lapham fell back in her chair, and let her work drop in her lap with that 'Tckk!' in which her sex knows how to express utter contempt and despair.

(Howells, W.D. The Rise of Silas Lapham)

Многие читатели могут "видеть" и "слышать" вещи, которые не описываются, ни транскрибируются и все же присутствуют в

тексте “между строк”. Переводчик должен иметь это в виду, т.к. текст – сочетание не независимых друг от друга компонентов, а структурное и функциональное целое. Некоторые элементы передаются при помощи параязыка (невербальных определителей голоса, модификаторов).

В тексте произведения может быть представлено кинесическое поведение и его объяснение; указание на соматические реакции и параязык, может быть приведен ситуативный контекст, часто весьма культурно-специфический.

Проблема имплицитного присутствия указания на кинесическое поведение персонажей в рамках произведения встает даже перед читателем оригинального текста, когда и читатель, и писатель принадлежат одной культуре, т.е. можно предположить, что иск картины мира во многом совпадают (по крайней мере в том, что касается кинесического поведения). Перед переводчиком же проблема передачи инокультурного кинесического поведения подчас представляет огромную сложность, поскольку переводчик не только должен транслировать значение, но и объяснить его. Под кинесическим поведением мы в первую очередь понимаем значение движения тела (взмах руки, пожатие плеч etc), а также визуальное, тактильное взаимодействие. Особо следует отметить аудиокинесическое поведение (квазипаралингвистические звуки). Ряд звуков, воспроизводимых человеком, находящимся в определенном душевном состоянии (страх, веселье, уныние, раздражение и т. д.), призваны для того, чтобы помочь человеку это состояние вербализовать. Набор аудиокинесических средств весьма велик, и их значения весьма разнообразны. С одной стороны, эти средства могут взаимозаменяться, взаимодополняться, с другой стороны, не всегда они обладают каким-то определенным значением, т.е. их значение во многом зависит от контекста.

Молчание в контекстах художественного произведения заслуживает особого внимания. Молчание персонажа должно рассматриваться как своеобразный ключ и характеристика самого персонажа или ситуации, в котором тот оказался. Роман претендует на миметическое восприятие окружающей действительности, поэтому в центре внимания и читателя, и писателя находятся персонажи, их поступки, их речь. Тишина как объект повествования создает напряженность, ожидание, настороженность. Приведем

пример из книги Ш.Андерсона “Уайнсбург, Огайо”, рассказ “Мать”.

“In the evening when the son sat in the room with his mother, the silence made them both feel awkward. Darkness came on and the evening train came in [...] In the street below feet tramped up and down upon a boarded sidewalk [...] Over on Main Street sounded a man's voice, laughing. The door of the express office banged. George Willard [...] fumbled for the door knob. Sometimes he knocked against a chair, making it scrape along the floor.”

В тишине отчетливо различаются любые звуки, как шум проходящего рядом поезда, шаги на деревянной мостовой, смех, хлопанье дверьми ... Но фоном для всех этих звуков становится тишина. Тишина, а в противоположность ей – различные звуки - необходимый фон для социального взаимодействия.

Семиотически – коммуникативные возможности языка ставят как перед писателем, так и перед переводчиком и читателями проблемы репрезентации и описания. С точки зрения знаков, передаваемых или нет литературным текстом, и как и что текст сообщает о своих персонажах – дается ли авторское описание или транслируются непосредственно разговоры самих персонажей, – Ф.Поятос приходит к тому, что романист использует четыре способа, характеризующих персонажей произведения, с которыми возникают обычно проблемы у переводчика. К ним относятся:

1) описание паралингвистического и кинесического поведения, а также объяснение их значения в контексте;

2) описание поведения, но не его значения, что не всегда приводит к адекватному восприятию; частным случаем является описание исторически обусловленного поведения;

3) описывается само значение, но не поведение: читатель не может в силу культурологических значений адекватно воспринять авторский замысел; во многом это относится к языковой игре, которую нередко невозможно воспроизвести в другом культурологическом контексте;

4) вербальное описание, которое обычно сопровождается специфическим кинесическим поведением, что в целом служит передаче значения, но, будучи не описанным, может привести к неправильному выводу; это происходит по двум причинам:

а) в иноязычной культуре такое поведение исторически не

было воспринято;

б) такое поведение не является нормативным.

Исследователь Базил Хатим (“Дискурсивные характеристики в невербальной коммуникации”) (2) продолжает разрабатывать теорию невербальной коммуникации, работая над ней в дискурсивном аспекте. Его в первую очередь интересуют способы описательного и репрезентативного использования языка в его невербальной функции. Б.Хатим считает возможным использовать термины “невербальная коммуникация” и “графически представленный язык” как синонимы.

Термин “графический”, в интерпретации Б.Хатима, используется в двух значениях:

1) графический – т.е. представленный описательно, жизнеподобно, примером может служить указание на то, как была произнесена фраза, или же непосредственное воспроизведение звуков или звукоподражательных слов; 2) графический – т.е. представленный символически, что является в сущности нелингвистическим способом передачи значения, примером может служить использование пунктуации в тексте.

Акт графической репрезентации – важный аспект лингвистической коммуникации и очень проблематичная область переводческой деятельности. Дискурсивные характеристики исследуются на примерах из художественных и не художественных текстов.

При анализе деятельности переводчика автор не ограничивает свои выводы каким-либо языком, т.е. теоретические выводы, к которым приходит Б.Хатим, универсальны.

Текстуально-лингвистический подход будет основан на существующей взаимосвязи между текстом и контекстом. Коммуникация в языке оказывается специфической деятельностью.

Текст содержит как указание на аудио восприятие, так и на визуальное графическое.

Указания на невербальную коммуникацию в тексте способствуют объективации переводческой деятельности. Следует отметить особо, что, каким бы ни был источник коммуникативного потенциала (паралингвистический, кинесический и т.д.), графическое представление этой информации уже само по себе является носителем значения.

Чтобы адекватно оценить стилистический эффект высказывания, необходимо обратиться к его риторическим мотивациям. И не последнюю роль в этом играет графическая репрезентация текста.

Посмотрим, как происходит вербализация параязыка и кинесики. Три основные стадии в процессе конструирования значений были выявлены Фернандо Поятосом:

1) выбор и кодирование – писатель при работе над произведением отбирает ряд основных коммуникативных функций, которые служат физической, физиологической и социальной характеристике персонажей;

2) сужение – эта стадия предполагает сам процесс вербализации и сужения фокуса до лингвистических средств репрезентации;

3) расширение – на этой стадии происходит объективация лингвистических средств.

Для нас в первую очередь представляет интерес именно третья стадия, т.е. то, как создается “мир” художественного произведения. Графические и социоконтекстуальные эффекты дополняют друг друга и создают так называемое текстуальное пространство. Базил Хатим иллюстрирует эту посылку примером из романа Е.Бронте “Грозовой перевал”. Анализируя адаптированные издания романа на английском языке и его переводы, в частности, на арабский, исследователь приходит к любопытному выводу: при переводе на арабский язык опускались именно те фрагменты текста, которые подлежали сокращению в адаптированных изданиях на языке оригинала. К ним относились в основном указания на специфичность протекания дискурса. Внешняя кайма разговоров оставалась неизменной. В процессе чтения такого текста передается обрывистая картина мира, пробелы читатель вынужден заполнять сам, исходя из своего собственного жизненного опыта и мировоззрения во многом сформированного культурной средой.

Можно отметить, что значение кинесических жестов значительно различается в разных культурах. Наряду с указанием на какой-то определенный жест у автора и переводчика есть иные средства достижения аналогичного эффекта: вербальное описание с элементами повествования.

В целом, Б.Хатим видит три основных способа передачи

протекания дискурса: поведение персонажа (т.е. характеристика его высказываний) может быть описано и объяснено, описано, но не объяснено, объяснено, но не описано. Приведем фрагмент текста из романа Т.Гарди "Тэсс из рода д'Эрбервиллей", где описание сочетается с пояснением:

"He emmited a laboured breath, as if the scene were getting rather oppressive to his heart, or to his conscience, or to his gentility."

Богатство и разнообразие коммуникативных средств обязывает исследователей обратиться к проблеме трансляции дискурса не только в рамках одной культуры, но и сравнивать различные языковые сообщества на предмет выяснения сходств и различий в использовании речевых средств. Паралингвистические и кинесические средства в различных культурах имеют различное распространение. Если в языке оригинала паралингвистические и кинесические средства оказываются повышено значимыми, перед переводчиком встает проблема их вербализации. Если в тексте оригинала невербальная репрезентация персонажа сочетается с пояснениями, то переводчик, а вслед за ним и читатель, не нуждаются в дополнительных культурологических объяснениях. Описание без пояснения в большинстве случаев вынуждает переводчика выступить и в роли толкователя смысла, заменяя невербальные описания вербальными или вербально поясняя невербальную коммуникацию, представленную в тексте. Ко всему прочему, переводчик должен "удержаться" в рамках определенного жанра, т.е. перед переводчиком встает и проблема стилистической адекватности. Для иллюстрации вышеуказанных проложений Б.Хатим обращается к тексту пьесы Б.Шоу "Пигмалион", где собственно прямая речь персонажей находится во взаимосвязи с авторскими примечаниями, которые по большей части представляют собой указания на невербальную коммуникацию.

Опираясь на работы Ф.Поятоса, исследователь Ханс Вермейер ("Описание невербального поведения в "Одиссее") (3) разработал новый подход к изучению невербальной коммуникации, который он назвал "scene and frame": "сцена" воздействует на наше ментальное представление, а рамка является его вербализацией. В различных культурах "сцены" и "рамки" национально-специфичны, и ими определяется межкультурная коммуникация в целом. Если в процессе работы над текстом переводчику и читателю

не удастся адекватно восстановить смысл “сцены” или “рамки”, коммуникацию между текстом и переводчиком читателем следует считать неудавшейся.

Во многом к проблеме перевода Б. Хатим подходит с точки зрения герменевтики: перед переводчиком изначально ставится задача понять текст и его автора лучше, чем это удалось самому автору оригинала.

Переводчику необходимо исследовать текст произведения, “подготовить” его к переводу, а лишь затем приступить к его трансляции в иную культуру. Б.Хатим также предлагает обратиться к проблеме лексической корректности. Переводчик нередко примеряет на себя функцию толкателя, а не только транслятора, посредника между иноязычным текстом и читателем. Довольно часто, как отмечает автор статьи, переводчик в своей работе прибегает к синонимическим выражениям с ярко выраженной положительной или отрицательной коннотацией, что текстом оригинала не продиктовано. Результатом такого “заинтересованного” перевода становится то, что эстетический эффект перевода разрушается. В первую очередь это относится к художественным переводам.

Одновременно возникает вопрос о роли переводчика. Б. Хатим отсылает читателей к работе Л. Венути “Переводчик-невидимка”.

Принципиально новым в работе Б.Хатима является исследование графически представленного языка в нехудожественных произведениях, в частности в газетной заметке.

Газетный жанр в идеале предполагает максимально беспристрастное изложение фактов, однако довольно часто наблюдаются дискурсивные сдвиги (discoursal switch), и объективность повествования как бы становится под сомнение. В данном случае графически представленный язык используется как мощное идеологическое средство, работающее на читательское восприятие. В статье приводится подробный и весьма любопытный анализ статьи “Canute Kunnock” политического обозревателя Горана Грейга, опубликованной в “The Mail” 8 октября 1953 г. Газетная статья посвящена лидеру лейбористской партии Нилу Кинноку, недавно ее возглавившему. Ироничность повествования достигается из-за постоянных дискурсивных сдвигов, Г.Грей лавирует

между различными жанрами, пластами лексики, манерой повествования. Особо следует прием интертекстуальности, который апеллирует к читательскому невербальному опыту в постижении действительности, параязыку, кинесическим средствам выражения.

Итак, невербальная коммуникация в контексте художественного и нехудожественного текста действительно представляет собой значимую проблему как для читателя, так и для переводчика (который прежде всего выступает в роли читателя, а лишь затем – в роли транслятора). Трансляция невербальной коммуникации усложняет чтение любого текста на родном языке, особую же проблему представляет трансляция невербальной коммуникации в инокультурную среду.

Список литературы

1. Poyatos, F. Aspects, problems and challenges of nonverbal communication in literary translation // *Nonverbal communication and translation: New perspectives a, challenges in literature, interpretation a. the media* /Ed. by Poyatos F. – Amsterdam; Philadelphia, 1997. – P.17-48.
2. Hatim B. Discourse features in non-verbal communication: Implications for the translator// *Ibid.* – P.49-66.
3. Vermeer H.J. Describing nonverbal behavior in the Odissey: Scenes a. verbal frames as translation problems// *Advances in nonverbal communication: Sociocultural, clinical a. esthetic perspectives* / Ed. by Poyatos F. – Amsterdam; Philadelphia, 1992. – P. 285-299.

М.Б.Раренко